З. Н. ГИППІУСЪ

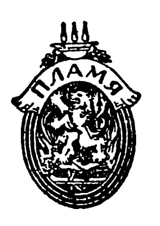
ЖИВЫЯ ЛИЦА

БЛОКЪ — БРЮСОВЪ

ВЫРУБОВА — РОЗАНОВЪ

СОЛОГУБЪ

О МНОГИХЪ

ПРАГА

Издательство
ПЛАМЯ
ВЪ ПРАГѢ
подъ общимъ
руководствомъ
профессора
Е. А. ЛЯЦКАГО

1925

LEGIOGRAFIE
Praha-Vršovice Sámova 665

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

Р О З А Н О В Ъ — С О Л О Г У Б Ъ

О М Н О Г И Х Ъ

ЗАДУМЧИВЫЙ СТРАННИКЪ

О Розановѣ

«Странникъ, только странникъ, вездѣ только странникъ»...

«Иду. Иду. Иду... Даже «несетъ», а не иду. Что-то «стихiйное, а не человѣческое».

«Во мнѣ есть чудовищное: это моя задумчивость». *(Уединенное)*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

ВАСИЛIЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РОЗАНОВЪ

Что еще писать о Розановѣ?

Онъ самъ о себѣ написалъ.

И такъ написалъ, какъ никто до него не могъ, и послѣ него не сможетъ, потому что...

Очень много «потому что». Но вотъ главное: потому что онъ былъ до такой степени не въ рядъ другихъ людей, до такой степени стоялъ не между ними, а около нихъ, что его скорѣе можно назвать «явленiемъ» нежели «человѣкомъ». И ужъ никакъ не «писателемъ», — чтó онъ за писатель! Писанье, или, по его слову, «выговариванье», было у него просто функцiей. Организмъ дышетъ, и дѣлаетъ это дѣло необыкновенно хорошо, точно и постоянно. Такъ Розановъ писалъ, — «выговаривалъ» — все, что ощущалъ, и все, что въ себѣ видѣлъ, а глядѣлъ онъ въ себя постоянно, пристально.

Писанье у писателя — сложный процессъ. Самое удачное писанье все-таки приблизительно. То-есть между ощущеніемъ (или мыслью) самими по себѣ и потомъ этимъ же ощущеніемъ, переданнымъ въ словѣ — всегда есть разстояніе; у Розанова нѣтъ; хорошо, плохо — но то самое, оно; само движеніе души.

«Всякое движеніе души у меня сопровождается выговариваньемъ», отмѣчаетъ Розановъ и прибавляетъ просто: «это — инстинктъ». Хотя и знаетъ, что онъ не какъ всѣ, но не всегда понимаетъ, въ чемъ дѣло; и, сравнивая себя съ другими, то ужасается, то хочетъ сдѣлать видъ, что ему «наплевать». И отлично, молъ, и пусть, и ничего скрывать не желаю. «Нравственность? Даже не зналъ никогда, черезъ «ѣ» или черезъ «е» это слово пишется».

Отсюда упреки въ цинизмѣ; справедливые — и глубоко несправедливые, ибо прилагать къ Розанову общечеловѣческія мѣрки и обычныя требованія по меньшей степени неразумно. Онъ есть рѣдкая цѣнность, но, чтобы увидѣть это, надо перемѣнить точку зрѣнія. Иначе цѣнность явленія пропадаетъ, и Розановъ дѣлается правъ, говоря:

«Я не нуженъ, ни въ чемъ я такъ не увѣренъ, какъ въ томъ, что я не нуженъ».

Онъ, кромѣ своего «я», пребывалъ еще гдѣ-то около себя, на ему самому невѣдомыхъ глубинахъ.

«Иногда чувствую чудовищное въ себѣ. И это чудовищное — моя задумчивость. Тогда въ кругъ ея очерченности ничто не входитъ.

Я каменный.

А камень — чудовище...

...Въ задумчивости я ничего не могъ дѣлать.

И съ другой стороны все могъ дѣлать («Грѣхъ»).

Потомъ грустилъ: но уже было поздно. Она съѣла меня и все вокругъ меня».

Но, конечно, соприсутствовало въ Розановѣ и «человѣческое»; онъ говоритъ и о немъ съ волшебнымъ даромъ точности воплощенія въ слова. Онъ — явленіе, да, но все же человѣческое явленіе.

Объяснять это далѣе — безцѣльно. Розанова можно такимъ почувствовать, вслушиваясь въ его «выговариванье», всматриваясь въ его «рукописную душу». Но можно не почувствовать. И ужъ тогда никакія объясненія не помогутъ: Розановъ дѣйствительно дѣлается «не нуженъ».

Я буду, помня объ этой, ясной для меня, Розановской исключительности, говорить, однако, о немъ — *человѣкѣ*, о томъ, какимъ онъ былъ, какъ онъ жилъ, объ условіяхъ, въ какихъ мы встрѣчались. Иногда буду прибѣгать къ самому Розанову, къ его записямъ о себѣ, — вѣдь равныхъ по точности словъ не найдешь.

Больше я ничего не могу сдѣлать.

Жаль, нѣтъ у меня здѣсь ни писемъ его, ни ран-

нихъ, ни предсмертныхъ; и даже изъ книгъ его (воистину «рукописныхъ», какъ онъ любилъ ихъ называть) всего лишь двѣ: «Уединенное» и I томъ «Опавшихъ листьевъ».

2

ВЕСНОЙ

Зеленовато-темнымъ апрѣльскимъ вечеромъ мы возвращаемся въ первый разъ отъ Розанова, по дощатымъ тротуарамъ глухой Петербургской стороны. Розановъ жилъ тогда (въ 1897? или 98?) на Павловской улицѣ, въ крошечномъ домикѣ.

Только что прошелъ дождь, разорванныя черныя облака еще плыли надъ головой, доски и земля были влажны, и остро пахли весной едва распустившіеся тополевые листья, молодые (такъ остро пахнутъ они только въ Россіи, только на сѣверѣ).

— Да... Вотъ весна... Весна! — сказалъ Философовъ (онъ былъ съ нами у Розанова, и еще кто-то былъ).

Мы всѣ думали молча о веснѣ и потому не удивились.

— Весна. «Клейкіе листочки»... А что же вы скажете о Розановѣ? —

И заговорили о Розановѣ.

Рѣшительно не помню, кто насъ съ нимъ познакомилъ. Можетъ быть, молодой философъ Шперкъ

(скоро умершій). Но слышали мы о немъ давно. Любопытный человѣкъ, писатель, занимается вопросомъ брака. Интересуется, въ связи съ этимъ вопросомъ (о бракѣ и дѣторожденіи), еврействомъ. Бывшій учитель въ провинціи (какъ Сологубъ).

У себя, вечеромъ, на Павловской улицѣ, онъ показался намъ дѣйствительно любопытнымъ. Невзрачный, но роста средняго, широковатый, въ очкахъ, худощавый, суетливый, не то застѣнчивый, не то смѣлый. Говорилъ быстро, скользяще, не громко, съ особенной манерой, которая всему, чего бы онъ ни касался, придавала и н т и м н о с т ь. Дѣлала какимъ-то... шопотнымъ. Съ «вопросами» онъ фамильярничалъ, разсказывалъ о нихъ «своими словами» (ужъ подлинно «своими», самыми близкими, точными, и потому не особенно привычными. Такъ же, какъ писалъ).

Въ узенькой гостиной намъ подавала чай его жена, блѣдная, молодая, незамѣтная. У нея былъ тогда грудной ребенокъ (второй, кажется). Дѣвочка лѣтъ 8—9, падчерица Розанова, съ подтянутыми гребенкой безцвѣтными волосами, косилась и дичилась въ уголку.

Была въ домѣ бѣдность. Такая невидная, чистенькая бѣдность, недостача, стѣсненіе. Розановъ тогда служилъ въ контролѣ. И сразу понималось, что это нелѣпость.

Вѣдь вотъ, и наружность, пожалуй, чинов-

ничья, «мизерабельная» (сколько онъ объ этой мизерабельной своей наружности говорилъ, писалъ, горевалъ!) — а какой это, къ чорту, контрольный чиновникъ? Просто никуда.

Не знаю, какимъ онъ былъ учителемъ (что-то разсказывалъ) — но, думается, тоже никуда.

3

ВСЕГДА НАЕДИНѢ

Кажется, съ 1900 года, если не раньше, Розановъ сближается съ литературно-эстетической средой въ Петербургѣ. Примкнулъ къ этой струѣ? Отнюдь нѣтъ. Онъ внутренно «несклоняемый». Но ласковъ, милъ, интересенъ — и понемногу становится желаннымъ гостемъ вездѣ, особенно у такъ называемыхъ «эстетовъ». Дружитъ съ кружкомъ «Міра Искусства», быстро тогда расцвѣтшаго.

И къ намъ захаживаетъ Розановъ постоянно. Между прочимъ, насъ соединялъ и молодой соловьевецъ Перцовъ, большой поклонникъ Розанова. Перцовъ — фигура довольно любопытная. Провинціалъ, человѣкъ упрямый, замкнутый, сдержанный (особенно замкнутый потому, можетъ быть, что глухой), былъ онъ чутокъ ко всякому нарождающемуся теченію и обладалъ недюжиннымъ философскимъ умомъ. Самъ, какъ писатель, довольно слабый, —

преданно и понятливо любилъ литературу, понималъ искусство.

Какъ они дружили, — интимнѣйшій, даже интимничающій со всѣми и вездѣ Розановъ и неподвижный, деревянный Перцовъ? непонятно, однако дружили. Розановъ набѣгалъ на него, какъ ласковая волна: «Голубчикъ, голубчикъ, да что это, право! Ну, какъ вамъ въ любви объясняться? Вѣдь это тихонечко говорится, на ушко, шопотомъ, а вы-то и не услышите. Нельзя же кричать такія вещи на весь домъ».

Перцовъ глуховато посмѣивался въ свѣтложелтые падающіе усы свои, — не сердился, не отвѣчалъ.

Съ другимъ человѣкомъ, еще болѣе сдержаннымъ, каменнымъ (если Перцовъ былъ деревянный), вышло однажды у Розанова, въ редакціи «Міра Искусства», не такъ ладно.

Постоянное «ядро» редакціи, тѣсно сплоченный дружескій кружокъ, были: Дягилевъ, Философовъ, Бенуа, Бакстъ, Нувель и Нурокъ (умершій). Около нихъ завивалось еще множество людей, близкихъ и далекихъ. По средамъ въ редакціи бывали собранія, хотя и не очень людныя: приглашали туда съ выборомъ. Розанову эта «нелюдность» нравилась. Онъ, впрочемъ, вездѣ былъ немножко одинъ, или съ кѣмъ-нибудь «наединѣ», то съ тѣмъ — то съ другимъ, и не удаляясь, притомъ, съ нимъ никуда:

но такая ужъ у него была манера. Или никого не видѣлъ, или, въ каждый моментъ, видѣлъ кого-нибудь одного, и къ нему обращался.

Ни малѣйшей угрюмости; веселый, даже шаловливый, чуть разсѣянный взглядъ сквозь очки, и видъ — самый общительный.

Въ столовой «Міра Искусства», за чаемъ, вдругъ привязался къ Сологубу, съ обычной каменностью молчащему.

Между Сологубомъ и Розановымъ близости не было. Даже въ расцвѣтѣ розановскихъ «воскресеній», когда на Шпалерную ходили рѣшительно всѣ (вотъ ужъ безъ выбора-то!) — Сологуба я тамъ не помню.

Но для коренной Розановской интимности всѣ были равны. И Розановъ привязался къ Сологубу.

— Что это, голубчикъ, что это вы сидите такъ, ни словечка ни съ кѣмъ. Что это за декадентство. Смотрю на васъ — и, право, нахожу, что вы не человѣкъ, а кирпичъ въ сюртукѣ!

Случилось, что въ это время всѣ молчали. Сологубъ тоже помолчалъ, затѣмъ произнесъ, монотонно, холодно и явственно:

— А я нахожу, что вы грубы.

Розановъ осѣкся. Это онъ-то, ласковый, нѣжный — грубъ! И, однако, была тутъ и правда какая-то; пожалуй, и грубъ.

Инцидентъ сейчасъ же смазали и замяли, а

Розановъ, конечно, не научился интимничать съ выборомъ: интимность была у него природная, неизлечимая, особенная: и прелестная, и противная.

4

НАИМЕНѢЕ РОЖДЕННЫЙ

Вотъ, сидитъ утромъ въ нашей маленькой столовой, въ домѣ Мурузи, на Литейномъ, — трясетъ ногой (другую подогнулъ подъ себя) и что-то пишетъ на большомъ листѣ — меленько-меленько, непонятно, — если не привыкнуть къ его почерку. Старается все умѣстить на одной страницѣ, не любитъ переворачивать.

Это онъ забѣжалъ съ какимъ-то спѣшнымъ дѣломъ, по Рел. Философскимъ Собраніямъ, что-то нужно кому-то отвѣтить, возразить, или къ докладу засѣданія что-то прибавить... все равно.

Сапоги у него съ голенищами (рыжеватыми), съ толстыми носами. Брюки широкія, сѣренькія въ полоску. Куритъ все время — набивныя папиросы, со слѣпыми концами. (По воскресеньямъ, за длиннымъ чайнымъ столомъ, у себя, гдѣ столько всякаго народу, набиваетъ ихъ самъ; сидитъ на концѣ стола, спиной къ окнамъ, и тоже подогнувъ ногу).

Давно присмотрѣлись мы къ его лицу, и ниче-

2

го уже въ немъ «мизерабельнаго» не находимъ. Кустиками рыжевато-бѣлокурая бородка, лицо ровно-красноватое... А глаза вдругъ такіе живые, и плутовскіе — и задумчивые, что становится весело.

Но Розановъ все не можетъ успокоиться и часто повторяетъ:

— Вѣдь могъ бы я быть красивъ! Такъ вотъ нѣтъ: учителишка и учителишка.

Потомъ онъ это и написалъ (въ «Уединенномъ»).

«Неестественно-отвратительная фамилія дана мнѣ въ дополненіе къ мизерабельному виду. Сколько я гимназистомъ простаивалъ передъ зеркаломъ»... «Сколько тайныхъ слезъ украдкой» пролилъ. Лицо красное. Волоса... торчатъ кверху... какой-то поднимающейся волной, совсѣмъ нелѣпо и какъ я не видалъ ни у кого. Помадилъ я ихъ, и все — не лежатъ. Потомъ домой приду, и опять зеркало: «Ну, кто такого противнаго полюбитъ? Просто ужасъ бралъ». «...Въ душѣ думалъ: женщина меня никогда не полюбитъ, никакая. Что же остается? Уходить въ себя, жить съ собою, для себя (не эгоистически, а духовно), для будущаго»...

Онъ прибавляетъ, однако, что «теперь» это все «стало ему даже нравиться»: и что «Розановъ» такъ «отвратительно», и что «всегда любилъ худую, заношенную, проношенную одежду».

«Да просто я не имѣю формы... Какой-то «комокъ» или «мочалка». Но это оттого, что я весь — духъ; субъективное развито во мнѣ безконечно, какъ я не знаю ни у кого». «И отлично»... Я «наименѣе рожденный человѣкъ», какъ бы «еще лежу (комкомъ) въ утробѣ матери» и «слушаю райскіе напѣвы» (вѣчно какъ бы слышу музыку, моя особенность). И «отлично! Совсѣмъ отлично!» На кой чортъ мнѣ «интересная физіономія» или еще «новое платье», когда я самъ (въ себѣ, въ комкѣ) безконечно интересенъ, а по душѣ — безконечно старъ, опытенъ и вмѣстѣ юнъ, какъ совершенный ребенокъ... Хорошо! Совсѣмъ хорошо!..

Съ блестящей точностью у Розанова «выговаривается» (записывается) каждый данный моментъ. Пишетъ онъ — какъ говоритъ: въ любой строкѣ его голосъ, его говоръ, спѣшный, шопотный, интимный. И открытость полная — всѣмъ, т. е. никому.

Писать Розановъ могъ всегда, во всякой обстановкѣ, во всякомъ положеніи; никто и ничто ему не мѣшало. И всегда писалъ одинаково. Это, вѣдь, не «работа» для него: просто жизнь, дыханье.

Розановъ уже не въ контролѣ; онъ на жалованьи въ редакціи Новаго Времени. Печатаетъ тамъ время отъ времени коротенькіе, яркіе полуфельетончики; Суворинъ издаетъ его книги. Старикъ Суворинъ, этотъ крупный русскій нигилистъ, или, вѣрнѣе,

«je m'en fiche'истъ», очень былъ чутокъ къ талантливости, обожалъ «талантъ». Какъ нѣкогда Чехову — онъ протянулъ руку помощи Розанову, не заботясь, насколько Розановъ «нововременецъ». Или, можетъ быть, понимая, что Розановъ все равно ни къ какой газетѣ, ни къ какому такому дѣлу, прилипнуть не можетъ, будетъ вездѣ писать свое и о своемъ, не считаясь съ окруженіемъ. Въ редакціи его въ серьезъ не принимали, далеко не все печатали, но иногда пользовались его способностью написать что-нибудь на данную тему вотъ сейчасъ, мгновенно, не сходя съ мѣста, — и написать прекрасно. Ну, почеркаютъ «розановщину», и живетъ.

Мы всѣ держались въ сторонѣ отъ Новаго Времени; но Розанову его «суворинство» инстинктивно прощалось: очень ужъ было ясно, что онъ не «ихній» (ничей): просто «дѣтишкамъ на молочишко», чего онъ самъ, съ удовольствіемъ, не скрывалъ. Дѣтишекъ у него въ это время было уже трое или четверо.

Такъ называемые розановскіе «вопросы», — то, что въ немъ, главнымъ образомъ, жило, всегда его держало, всѣ проявленія его окрашивало, — было шире и всякаго эстетизма и ужъ, очевидно, шире всякихъ «политикъ». Опредѣляется оно двумя словами, но въ розановской душѣ оба понятія, совершенно необычно, сливались и жили въ е д и н с т в ѣ. Это Б о г ъ и п о л ъ.

Шелъ ли Розановъ отъ Бога къ полу? Или отъ пола къ Богу? Нѣтъ, Богъ и полъ были для него, — скажу грубо, — одной печкой, отъ которой онъ всегда танцовалъ. И, конечно, вопросъ «о Богѣ» дѣлался, благодаря этому, совсѣмъ новымъ, розановскимъ; вопросъ о полѣ — тоже. Послѣднiй «вопросъ» и вообще-то, для всѣхъ, пребывалъ тогда въ стыдливой тѣни или въ загонѣ; какъ же могло яркое вынесенiе его на свѣтъ Божiй не взбудоражить, по разному, самые разные круги?

Пожалуй не круги — а «кружки». Вѣдь и «эстетизмъ» и другiя петербургскiя, едва намѣчавшiяся, теченiя — были только кружки. Да въ Розановѣ самомъ сидѣла такая «домашность», «самодѣльность», что трудно и вообразить его влiянiе на какiе-нибудь «круги».

5

ДУХОВНЫЕ ОТЦЫ

Въ область розановскаго интереса очень трепетно входилъ вопросъ о «церкви». И не только потому, что жена его, духовнаго происхожденiя и вдова священника, была крѣпко и просто вѣрующей православной. Нѣтъ, съ вопросомъ о церкви Розановъ былъ связанъ собственными внутренними нитями. Вопросъ этотъ окрашивался для него въ свой

цвѣтъ — благодаря его отношенію къ христіанству и Христу.

Однако, мысль «Религіозно-Философскихъ Собраній» зародилась не на Шпалерной (у Розанова), а въ нашихъ литературно-эстетическихъ кружкахъ. Они тогда стали раскалываться; чистая эстетика уже не удовлетворяла; давно велись новые споры и бесѣды. И захотѣлось эти домашніе споры расширить, — стѣны раздвинуть.

Въ сущности для петербургской интеллигенціи и вопросъ-то религіозный вставалъ впервые, былъ непривыченъ, а въ связи съ церковнымъ — тѣмъ болѣе. Міръ духовенства былъ для насъ новый, невѣдомый міръ. Мы смѣялись: вѣдь Невскій, у Николаевскаго вокзала, раздѣленъ желѣзнымъ занавѣсомъ. Что тамъ, за нимъ, на пути къ Лаврѣ? Не знаемъ: terra incognita. Но нельзя же разсуждать о церкви, не имѣя понятія о ея представителяхъ. Надо постараться поднять желѣзный занавѣсъ.

Кто-нибудь напишетъ впослѣдствіи исторію первыхъ Р.-Ф. Собраній. Тяжелаго все это стоило труда. Объ открытомъ обществѣ и думать было нечего. Хоть бы добиться разрѣшенія въ частномъ порядкѣ.

Къ мысли о Собраніяхъ Розановъ сразу отнесся очень горячо. У него въ домѣ уже водились кое-какіе священники, изъ простенькихъ. Знакомства

эти пришлись кстати. Понемногу намѣтилась дорожка за плотный занавѣсъ.

Однако, въ предварительныхъ обсужденіяхъ плана дѣйствій Розановъ мало участвовалъ. Никуда не годился тамъ, гдѣ нужны были практическія соображенія и своего рода тактика. Съ нимъ, вообще, слѣдовало быть осторожнымъ; онъ не понималъ, органически, никакого «секрета», и невинно выбалтывалъ все не только женѣ, но даже кому попадется. (Съ нимъ, интимнѣйшимъ, меньше всего можно было интимничать).

Поэтому ему просто говорили: вотъ, теперь мы идемъ къ такому-то или туда-то, просить о томъ-то; брали его съ собой, и онъ шелъ, и былъ, по наитію, очень милъ и полезенъ.

Наконецъ, собранія, полу-частныя, были разрѣшены. Желѣзный занавѣсъ поднялся. Да еще какъ! Предсѣдатель — еп. Сергій Финляндскій, тогда ректоръ Духовной Академіи; вице-предсѣдатель — арх. Сергій, ректоръ семинаріи, злой, красивый монахъ съ бѣлыми руками въ кольцахъ. Все это съ благословенія митрополита Антонія и съ молчаливаго и выжидательнаго попустительства Побѣдоносцева. Главный нашъ козырь былъ — «сближеніе интеллигенціи съ церковью». Тутъ очень помогло намъ тщеславіе пронырливаго, неглупаго, но грубаго мужиченки Скворцова, чиновника при Побѣдоносцевѣ. Миссіонеръ, извѣстный своей жестокостью,

онъ, въ сущности, былъ добродушенъ, и въ тщеславіи своемъ, желаніи попасть «въ хорошее общество» — прекомиченъ. Понравилась ему мысль «сближенія церкви съ интеллигенціей» чрезвычайно. Сталъ даже мечтать о превращеніи своего «Миссіонерскаго Обозрѣнія» въ настоящій «журналъ».

Каюсь, мы нерѣдко потѣшались надъ нимъ; посылали въ этотъ «журналъ» разныя письма подъ самыми прозрачными псевдонимами, чуть ли не героевъ Достоевскаго или Лермонтова; невинный Скворцовъ не замѣчалъ и съ гордостью письма печаталъ. На собраніяхъ же мы ему спуску не давали, припоминая его миссіонерскія похожденія.

Скворцовъ, конечно, сдѣлался пріятелемъ Розанова. У Розанова закипѣли его «воскресенія», превратились въ маленькія религіозно-философскія собранія. На недѣлѣ собирались и у насъ.

Странно, однако: весь этотъ міръ «изъ-за желѣзнаго занавѣса», духовный и церковный, повлекся, припалъ, главнымъ образомъ, къ Розанову. Чувствовалъ себя уютнѣе съ нимъ. А вѣдь Розановъ считался первымъ «еретикомъ», и даже весьма опаснымъ. Чуть ли не начались Собранія его докладомъ о бракѣ и полѣ, самымъ «соблазнительнымъ», и пренія длились подрядъ три вечера.

А разъ было слѣдующее.

Розановъ на Собраніяхъ не только не произносилъ рѣчей, но и ротъ рѣдко раскрывалъ. Какія

«рѣчи», когда ни одного доклада своего, написаннаго, онъ не могъ самъ прочесть вслухъ. Другіе читали. Отвѣты на возраженія тоже писалъ заранѣе къ слѣдующему разу, а читалъ опять кто-нибудь за него.

Разъ попросилъ онъ прочесть такое возраженіе, странички 2—3, молодого приватъ-доцента Духовной Академіи — А. В. Карташева. Карташевъ тогда впервые появился въ Петербургѣ — изъ-за «желѣзнаго занавѣса у Николаевскаго вокзала», изъ иного міра, вмѣстѣ со всей «духовной» молодежью. Кстати сказать: въ этихъ «выходцахъ» многое изумляло насъ, — такіе они были иные по быту, по культурѣ; но изумительнѣе всего оказался ихъ упрямый... раціонализмъ. Вотъ тебѣ и «духовная» молодежь!

Очень помню, какъ однажды мы съ Карташевымъ сидѣли, по дежурству, у дверей залы Собраній, — принимали запись входящихъ членовъ. Засѣданіе началось, двери заперли. Мы, около полутемнаго столика, тихо разговаривали. Острый профиль молодого Карташева напоминалъ въ тѣ времена профиль Гоголя въ послѣдніе годы жизни.

— Вѣрю ли? Если бъ вѣрить, какъ въ дѣтствѣ... Но нѣтъ... раціо... раціо... шепталъ онъ, присѣдая.

Такъ вотъ, Карташевъ, на просьбу Розанова прочесть вслухъ его странички возраженія (весьма

невинныя), согласился. Прочелъ. На другой же день былъ призванъ къ митрополиту Антонію и получилъ отъ этого, сравнительно мягкаго и «либеральнаго» іерарха, самый грубый выговоръ. Хотѣлъ было оправдаться, — я, молъ, только «одолжилъ Розанову свой голосъ», но его не дослушали:

— Чтобы — впредь — этого — не было.

И Карташевъ ушелъ, если не ошпаренный — то лишь потому, что привыкъ: держали ихъ тамъ въ строгости и въ повиновеніи удивительномъ.

Да, опаснымъ «еретикомъ» былъ Розановъ въ глазахъ высшей православной іерархіи. Почему же все-таки духовенство, церковники, сближались съ нимъ какъ-то легче, проще, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было изъ интеллигентовъ, ходили къ нему охотнѣе, держали себя по пріятельски?

6

УСЕРДНЫЙ ЕРЕТИКЪ

«Православіе» видѣло «еретичество» Розанова, и просто «безбожіемъ» не затруднялось его называть. Въ глубины не смотрѣло.

Чтó ему, что этотъ «безбожникъ» говоритъ:

«...Я могъ бы отказаться отъ даровъ, отъ литературы, отъ будущности своего я... слишкомъ могъ бы... Но отъ Бога я никогда не могъ бы

отказаться. Богъ есть самое «теплое» для меня. Съ Богомъ никогда не скучно и не холодно.

Въ концѣ концовъ Богъ моя жизнь.

Я только живу для Него, черезъ Него; внѣ Бога — меня нѣтъ».

И еще:

«Выньте изъ самаго существа міра молитву, сдѣлайте, чтобы языкъ мой, умъ мой разучился словамъ ея, самому дѣлу ея, существу ея, — чтобы я этого не могъ; и я съ выпученными глазами и съ ужаснымъ воемъ выбѣжалъ бы изъ дому, и бѣжалъ, бѣжалъ, пока не упалъ. Безъ молитвы совершенно нельзя жить... Безъ молитвы — безуміе и ужасъ.

Но это все понимается, когда плачется... А кто не плачетъ, не плакалъ — какъ ему это объяснить?»

Или еще:

«Боже, Боже, зачѣмъ Ты забылъ меня? Развѣ Ты не знаешь, что всякій разъ, какъ Ты забываешь меня — я теряюсь?»

Самое «еретичество» Розанова исходило изъ его религіозной любви къ Божьему міру, изъ религіознаго его вкуса къ міру, ко всей плоти. Но кто это понималъ изъ православныхъ, какъ могъ понять, да и на что ему было нужно? Лишь рѣдкіе чувствовали; напримѣръ, исключительной глубины и прелести человѣкъ — священникъ Усть-

инскій (онъ жилъ въ Новгородѣ, изрѣдка пріѣзжалъ въ Петербургъ) да, можетъ быть, Тернавцевъ, тогда молодой и независимый; итальянская кровь давала ему большую силу жизни: весь онъ былъ неистовый, бурный и казался очень талантливымъ.

Ну, а другіе «церковники» — пріятельствовали съ Розановымъ, прощая рѣзкіе выпады по ихъ адресу, вотъ почему: онъ, любя всякую плоть, обожалъ и плоть церкви, православіе, самый его бытъ, всѣ обряды и обычаи. Со вкусомъ онъ исполняетъ ихъ, зоветъ въ домъ чудотворную икону и послѣ молебна какъ-то пролѣзаетъ подъ ней (по старому обычаю). Все дѣлаетъ съ усердіемъ и съ умиленіемъ.

За это-то усердіе и «душевность» Розанова къ нему и благоволили отцы. А «еретичество»... да, конечно, однако ничего: только бы построже хранить отъ него себя и овецъ своихъ.

7

СОБРАНІЯ

Въ первый же годъ Р.-Ф. Собранія стали быстро разростаться, хотя попасть въ число членовъ было не легко, а «гости» вовсе не допускались.

Неглубокая зала Географическаго Общества, съ громадной и страшной статуей Будды въ углу (ее въ вечера Собраній чѣмъ-то закутывали отъ

«соблазна»), — никогда, вѣроятно, не видѣла такого смѣшенія «языковъ», если не племенъ. Тутъ и архіереи, — вплоть до мохнатаго льва Иннокентія, и архимандриты, до аскетическаго Ѳеофана (впослѣдствіи содѣйствовавшаго внѣдренію Распутина во дворецъ), и до высокаго, грубаго молодца въ поярковой шляпѣ — Антонина (теперешняго «живца»); тутъ же и эстеты, весь Міръ Искусства до Дягилева; студенты свѣтскіе, студенты духовные, дамы всякихъ возрастовъ и, наконецъ, самые заправскіе интеллигенты, держащіеся съ опаской, но съ любопытствомъ.

Во время перерыва вся эта толпа гудѣла въ музеѣ и толкалась въ крошечной комнатѣ сзади, гдѣ подавали чай.

Розановъ непремѣнно прятался въ уголкѣ, и непремѣнно тамъ кто-нибудь одинъ его заслонялъ, съ кѣмъ онъ интимничалъ.

Секретаремъ Собраній былъ, рекомендованный Тернавцевымъ, пріятель его — Ефимъ Е.

— Ефимъ — песъ, говорилъ на своемъ образномъ языкѣ, съ хохотомъ, «кудрявый Валентинъ». — Лучше и не выдумать секретаря. Это я вамъ скажу, у-ди-ви-тельный человѣкъ. Ни въ Бога, ни въ чорта не вѣритъ. Либералъ-шестидесятникъ. Песъ и песъ, конечно, но и ловкій!

Дѣйствительно, Ефимъ оказался полезенъ. Двери Собраній сторожилъ, какъ настоящій «песъ».

Слѣдилъ за отчетами. И сразу сдружился съ «попами». Особенно же съ архимандритомъ Антониномъ. Вмѣстѣ шатались они по трактирамъ, — гдѣ Ефимъ непремѣнно заказывалъ себѣ кушанье постное, Антонинъ же непремѣнно скоромное; вмѣстѣ забѣгали къ намъ; если Антонинъ «опоздняился» въ городѣ, то у Ефима и заночевывалъ.

Съ лаврской духовной цензурой Ефимъ тоже завелъ дружбу, что было цѣнно, особенно, когда начался нашъ журналъ Новый Путь.

Но о журналѣ потомъ; здѣсь отмѣчаю лишь это любопытное пріятельство «ни въ Бога, ни въ чорта невѣрующаго» нашего секретаря съ духовными отцами. Насчетъ «либерализма» — врядъ ли завѣты 60-хъ годовъ были въ немъ особенно крѣпки. Онъ черезъ нѣсколько лѣтъ поступилъ, по рекомендаціи Розанова, въ Новое Время, гдѣ прижился и, благодаря знанію языковъ, до конца оставался завѣдующимъ иностраннымъ отдѣломъ.

Не могу не вспомнить здѣсь о «преданіи» болѣе свѣжемъ, но «которому вѣрится съ трудомъ»: вѣдь, въ Англію, во время войны, ѣздила, въ видѣ «представителей русской печати» такая неподобная тройка: Чуковскій, затѣмъ этотъ самый бывшій «песъ» изъ Новаго Времени, и купленный нынѣ, «для сраму», большевиками — Ал. Толстой. Жаль, что Василевскаго не-Букву не прихватили. Была бы полнота «представительства».

8

ТЯЖЕЛАЯ СТАРУХА

Лѣтомъ 1902 года мы ѣздили за Волгу, въ г. Семеновъ; оттуда, съ двумя нижегородскими священниками, — на раскольничьи собесѣдованія за Керженецъ, къ Свѣтлому озеру («Китежъ-Градъ»).

На возвратномъ пути мы зашли, въ Нижнемъ, съ прощальнымъ визитомъ къ одному изъ нашихъ спутниковъ, о. Николаю, громкому, шумному, буйному батюшкѣ, до хрипоты спорившему на Озерѣ со старовѣрами.

Провинціальныя «духовныя» дамы скромны и стѣсняются «столичныхъ гостей». Рѣдко гдѣ попадья не убѣгала отъ насъ и не пряталась, высылая чай въ «гостиную». Молодежь поразвязнѣе, и у отца Николая, послѣ бѣгства матушки съ роемъ еще какихъ-то женщинъ, въ гостиной осталась занимать насъ молоденькая поповна.

О. Николай, еще хрипя, разглагольствовалъ о чудотворныхъ иконахъ, а поповна показывала мнѣ альбомы.

Показывала и объясняла: вотъ это тетенька; вотъ это о. Никодимъ, дядя; вотъ это знакомый нашъ, изъ Костромы...

Вижу большую фотографію: сидитъ на стулѣ, по-старинному прямо, въ очень пышномъ платьѣ,

сборками кругомъ раскинутомъ, сѣдая, совсѣмъ бѣлая, толстая старуха. Въ плоеномъ чепчикѣ. Губы сжаты, злыми глазами смотритъ на васъ.

— А это кто? спрашиваю.

— А это наша знакомая. Жена одного писателя петербургскаго. Ея фамилія Розанова.

— Какъ Розанова? Какая жена Розанова? Василія Васильевича?

— Ну да, жена Василія Васильевича. Ея сейчасъ въ городѣ нѣтъ. Она въ Крыму давно. А домикъ ея наискосокъ отъ нашего. Съ балкона видать.

— Покажите мнѣ.

Выходимъ съ поповной на угловой балкончикъ. Внизу булочная, и громадный золотой крендель тихо поскрипываетъ надъ желѣзными перилами балкона, слегка заслоняя теплую, пыльную Варварскую улицу, вымощенную круглыми, какъ арбузы, булыжниками.

— Видите, прямо переулокъ идетъ, такъ вотъ слѣва второй домикъ, сѣренькій, это и есть Розановой домъ, гдѣ она жила.

— А фотографія ея... давно снята? Она такая старая?

— Да, она ужъ совсѣмъ старая. Ну, вѣдь, и онъ, кажется, не молодой.

Хочу возразить, что Розановъ «противъ нея — робенокъ», какъ говорятъ за Волгой, но поповна продолжаетъ:

— Она очень злая. Такая злая, прямо ужасъ. Ни съ кѣмъ не можетъ жить, и съ мужемъ давно не живетъ. Взяла себѣ, наконецъ, воспитанницу. Ну, хорошо. Такъ можете себѣ представить, воспитанница утопилась. Страшный характеръ.

Мы вернулись въ гостиную; и долго еще, охотно, разсказываетъ мнѣ про «страшный характеръ» поповна, пока я вглядываюсь въ портретъ развалины съ глазами сумасшедше-злыми.

Никогда Розановъ не сказалъ объ этой своей женѣ слова съ горечью, осужденіемъ или возмущеніемъ. Въ полнотѣ трагическую исторію его перваго брака мы знали отъ друзей, отъ Тернавцева и другихъ; впрочемъ, и самъ Розановъ не скрывалъ ничего и нерѣдко, подолгу, разсказывалъ намъ о жизни съ первой женой. Но ни разу со злобой, ни въ то время — ни потомъ, въ «Уединенномъ». А ужъ, кажется, могъ бы. Вѣдь она не только, живя съ нимъ, истерзала его, она и на всю послѣдующую жизнь наложила свою злую лапу.

Для второй жены его, Варвары Дмитріевны, глубоко православной, бракъ былъ таинствомъ религіознымъ. И то, что она «просто живетъ съ женатымъ человѣкомъ» вѣчно мучило ее, какъ грѣхъ. Но злая старуха ни за что не давала развода. Дошло до того, что къ ней, во время болѣзни Варвары Дмитріевны, ѣздилъ Тернавцевъ, въ Крымъ, надѣясь уломать. Потомъ разсказывалъ, со вкусомъ ру-

3

гаясь, какъ онъ ни съ чѣмъ отъѣхалъ. Чувствуя свою силу, хитрая и лукавая старуха съ наглостью отвѣчала ему, поджавъ губы: «Что Богъ сочеталъ, того человѣкъ не разлучаетъ».

— Дьяволъ, а не Богъ сочеталъ восемнадцатилѣтняго мальчишку съ сорокалѣтней бабой! — возмущался Тернавцевъ. — Да съ какой бабой! Подумайте! Любовница Достоевскаго! И того она въ свое время доняла. Это еще при первой женѣ его было. Жена умерла, она, было, думала тутъ на себѣ его женить, да ужъ нѣтъ, дудки, онъ и слѣдъ свой замелъ. Такъ она и просидѣла, Василію Васильевичу на горе.

Розановъ мнѣ шепталъ:

— Знаете, у меня отъ того времени одно осталось. Послѣ обѣда я отдыхалъ всегда, а потомъ встану — и непремѣнно лицо водой сполоснуть, умываюсь. И такъ и осталось — умываюсь, и вода холодная со слезами теплыми на лицѣ, вмѣстѣ ихъ чувствую. Всегда такъ и помнится.

— Да почему же вы не бросили ее, Василій Васильевичъ?

— Ну-ну, какъ же бросить? Я не бросалъ ее. Всегда чувство благодарности... Вѣдь я былъ мальчишка...

Разсказывалъ о неистовствѣ ея ревности. Подстерегала его на улицѣ. И когда, разъ, онъ случай-

но вышелъ вмѣстѣ съ какой-то учительницей, тутъ же, какъ бѣшеная, дала ей пощечину.

Но это что, сумасшедшая ревность. Дѣло нерѣдкое. Любовница Достоевскаго, законная жена Розанова, была посложнѣе.

Ревность шла, конечно, не отъ любви къ невзрачному учителишкѣ, котораго она не понимала и который ее не удовлетворялъ. Заставлять всякій день водой со слезами умываться — пріятно, словъ нѣтъ. Но жизнь этимъ не наполнишь. Старѣя, она дѣлалась все похотливѣе; и въ Москвѣ все чаще засматривалась на студентовъ, товарищей молодого, но надоѣвшаго мужа.

Кое съ кѣмъ дѣло удавалось, а съ однимъ, наиболѣе Розанову близкимъ, — сорвалось. Авансы были отвергнуты.

Совершенно неожиданно студента этого арестовали. Розановъ очень любилъ его. Хлопотать? Поди-ка сунься въ тѣ времена, да и кто бы послушалъ Розанова? Однако добился свиданья. Шелъ, радовался — и что же? Другъ не подалъ руки; не сталъ и разговаривать.

Дома загадка объяснилась: жена, не стѣсняясь, разсказала, что это она, отъ имени самого Розанова, написала въ полицейское управленіе доносъ на его друга.

Быть можетъ, я передаю неточно какія-нибудь подробности; но не въ нихъ дѣло. Эту характерную

исторію самъ Розановъ мнѣ не разсказывалъ. Онъ только, при упоминаніи о ней, сказалъ:

— Да, я такъ плакалъ...

— И все-таки не бросили ее? Какъ же вы, наконецъ, разошлись?

— Она сама уѣхала отъ меня. Ну, тутъ я отдохнулъ. И ужъ когда она опять захотѣла вернуться — я ужъ ни за что, нѣтъ. Въ другой городъ перевелся, только бы она не пріѣзжала.

И все, повторяю, безъ малѣйшаго негодованія, безъ осужденія или жалобы. Съ человѣческой точки зрѣнія — есть противное что-то въ этомъ все терпящемъ, только плачущемъ, мужѣ. Но не будемъ смотрѣть на Розанова по человѣчески. И какимъ необычнымъ и прелестнымъ покажется намъ тогда розановское отношеніе къ «ж е н ѣ», какъ къ чему-то разъ навсегда святому и непотрясаемому. «Жена» — этимъ все сказано, а ужъ какая — второй вопросъ.

И ни малѣйшей въ этомъ «добродѣтели»; таковъ ужъ Розановъ органически. У него и вѣрность, и любовь, тоже свои, особенныя, розановскія. О вѣрности его мнѣ еще придется говорить.

9

ПУСТОТА ВОКРУГЪ

Когда приподнялся «желѣзный занавѣсъ», стали архіереи пріѣзжать «въ Петербургъ», на Собра-

нія, — стали и мы изрѣдка заглядывать въ «иной міръ», въ Лавру. Бывали (всегда скопомъ) у молодого, скромнаго, широколицаго Сергія Финляндскаго, ректора Академіи (какое-нибудь предварительное обсужденіе доклада), и у митрополита Антонія.

У Антонія Мережковскій читалъ «Гоголя и о. Матѳея», читалъ тамъ разъ даже Минскій, чуть ли не свою «Мистическую розу на груди церкви». Онъ тогда (для чего?) очень кокетничалъ съ церковью, впрочемъ, безъ всякаго успѣха.

Розановъ, конечно, не читалъ, какъ нигдѣ не читалъ ничего, и, конечно, всегда присутствовалъ.

У Сергія было пріятно: большія, пустыя залы съ такимъ поломъ скользкимъ и свѣтлымъ — хоть смотрись въ него, съ рядами архіерейскихъ портретовъ по стѣнамъ. Чай пили въ столовой, за длиннымъ столомъ. Вкусный чай: сколько сортовъ всякихъ вареній, а подавали тоненькіе черненькіе послушники.

Въ митрополичьихъ покояхъ не то: офиціальная пышность дворца, лакеи, а варенье засахаренное.

Мнѣ частенько Розановъ, если мы сидѣли рядомъ, шепталъ свои наблюденія: «замѣтьте, замѣтьте...» Онъ видѣлъ всякую мелочь.

Разъ мы вышли, уже часовъ въ 11, поздно, изъ Лавры, и за оградой ея заблудились. Зима, но легкая оттепель; необозримые снѣжные пустыри,

окружающіе Лавру, скользки, точно лаковые, а ухабы по чуть видной дорогѣ — какъ горы. Насъ человѣкъ шесть, но идемъ не вмѣстѣ, а парами, другъ за друга держимся. И все крутимся по ледяной пустынѣ, и все тянется бѣлая высокая ограда, — не знаемъ, куда повернуть.

Я съ Розановымъ. Онъ не смущается, куда нибудь выйдемъ. Безъ конца говоритъ — о своемъ. Онъ неизсякаемъ «наединѣ»; съ кѣмъ наединѣ — ему рѣшительно все равно. Никогда не говоритъ «рѣчи», говоритъ «бесѣдно», вопрошательно, но отвѣтовъ не ждетъ и не услышалъ бы ихъ; даже вдвоемъ — онъ наединѣ съ собою.

> «...Странная черта моей психологіи заключается въ такомъ сильномъ ощущеніи пустоты около себя — пустоты, безмолвія и небытія вокругъ и вездѣ — что я едва знаю, едва вѣрю, едва допускаю, что мнѣ «современничаютъ» другіе люди»...

Въ эту минуту мы съ нимъ, однако, «современничали» въ томъ, что оба одинаково скользили, буквально на каждомъ второмъ шагу. И онъ вдругъ это замѣтилъ.

Я смѣюсь:

— Вы меня держите, Василій Васильевичъ, или я васъ?

— Замѣтьте! Мы оба скользимъ! Оба! И не падаемъ. Почему не падаемъ? Да потому, что мы сколь-

зимъ не въ одну и ту же минуту, а въ разныя. Вы скользите, когда я стою, а когда я — вы не скользите, и я держусь за васъ...

— Ну, вотъ видите. А если бъ мы шли отдѣльно, такъ ужъ давно оба валялись бы въ снѣгу.

— Да, да, удивительно... Въ разныя минуты...

Но тутъ, занявшись этимъ соображеніемъ, онъ навелъ меня на такую кучу снѣга, что, не схвати насъ кто-то третій, шедшій близко сзади, мы бы полетѣли внизъ — и въ одну и ту же минуту.

10

О ЛЮБВИ

Всю жизнь Розанова мучали евреи. Всю жизнь онъ ходилъ вокругъ да около нихъ, какъ завороженный, прилипалъ къ нимъ — отлипалъ отъ нихъ, притягивался — отталкивался.

Не понимать, почему это такъ, можетъ лишь тотъ, кто безнадежно не понимаетъ Розанова.

Не забудемъ: Розановъ жилъ только Богомъ и — міромъ, плотью его, поломъ.

> «Знаете ли вы, что религія есть самое важное, самое первое, самое нужное? Кто этого не знаетъ, мимо такого нужно просто пройти. Обойти его молчаніемъ».

И тотчасъ же далѣе:

«Связь пола съ Богомъ — бо́льшая, чѣмъ связь ума съ Богомъ, даже чѣмъ связь совѣсти съ Богомъ»...

Евреи, въ религіи которыхъ для Розанова такъ ощутительна была связь Бога съ поломъ, не могли не влечь его къ себѣ. Это притяженіе — да поймутъ меня тѣ, кто могутъ — еще усугублялось острымъ и таинственнымъ ощущеніемъ ихъ чуждости. Розановъ былъ не только архи-аріецъ, но архи-русскій, весь, сплошь, до «русопятства», до «свиньи-матушки» (его любовнѣйшая статья о Россіи). Въ немъ жилки не было нерусской; безъ выбора понесъ онъ все, хорошее и худое — русское. И въ отношеніе его къ евреямъ входилъ элементъ «полярности», т. е. опять элементъ «пола», притяженіе къ «инакости».

Онъ былъ къ евреямъ «страстенъ» и, конечно, пристрастенъ: онъ къ нимъ «вожделѣлъ».

Влюбленный, однажды, полу-шутя, въ еврейку, говорилъ мнѣ:

— Вотъ рука... а кровь у нея тамъ какая? Вдругъ — голубая? Лиловенькая, можетъ быть? Ну, я знаю, что красная. А все-таки не такая, какъ у нашихъ...

Непривычные или грубодушные люди часто возмущались Розановской «несерьезностью», сплетеніемъ пустяковъ съ важнымъ, и его... какъ бы «грязцой». Ну, конечно! И ужъ если на то пошло, развѣ выносимо вотъ это само: «связь Бога съ по-

ломъ?» Развѣ не «грязь» и «полъ»-то весь? Въ крайнемъ случаѣ — «неприличіе», и позволительно говорить объ этомъ лишь научнымъ, серьезнымъ языкомъ, съ видомъ профессора. Розановскія «мелочи» казались «игривостью» и нечистоплотностью.

Но для Розанова не было никакихъ мелочей: всякая связывалась съ глубочайшимъ и важнѣйшимъ. Еврейская «миква», еврейскій религіозный обычай, для внѣшнихъ неважный и непривлекательный, — его умиляла и трогала. Его потрясалъ всякій знакъ «святости» пола у евреевъ. А съ общимъ убѣжденіемъ, въ кровь и плоть вошедшимъ, что «полъ — грязь» — онъ, главнымъ образомъ, и боролся.

Вотъ тутъ узелъ его отношеній къ христіанству и ко Христу. Христосъ? Розановъ и къ Нему былъ страстенъ, какъ къ еврейству. Только все тутъ было діаметрально противоположно. Христосъ — Онъ свой, родной, близкій. И для Розанова было такъ, точно вотъ этотъ живой, любимый, его чѣмъ-то ужасно и несправедливо обидѣлъ, что-то отнялъ у него и у всѣхъ людей, и это что-то — весь міръ, его свѣтлость и теплость. Выгналъ изъ дома въ стужу; «будь совершенъ, иди и не оглядывайся, отрекись отъ отца, матери, жены и дѣтей»...

Розановъ органически боялся х о л о д а, любилъ теплое, грѣющее.

«Съ Богомъ я всегда. Съ Богомъ мнѣ теплѣе всего» —

и вдругъ — иди въ холодъ, оторвись, отрекись, прокляни... Откуда это? Онъ не уставалъ бранить монашество и монаховъ, но, въ сущности, смотрѣлъ дальше нихъ, не думалъ, что «это они сдѣлали», главнаго обидчика видѣлъ въ Христѣ. Постоянно несъ упрекъ Ему въ душѣ — упрекъ и страхъ передъ собственной дерзостью.

У насъ, вечеромъ, за столомъ, помню его торопливыя слова:

— Ну, что тамъ, ну, вѣдь, не могу же я думать, нельзя же думать, что Христосъ былъ просто человѣкъ... А вотъ, что Онъ... Господи, прости! — (робко перекрестился, поспѣшнымъ крестикомъ), что Онъ, можетъ быть, Денница... Спавшій съ неба, какъ молнія...

Розановъ, однако, гораздо болѣе «трусилъ божескаго наказанія» за нападки на церковь, нежели за возстанія противъ первопричины — Христа. Почему? Это просто. Въ Христоборчествѣ его было столько личной любви ко Христу, что она властно побѣждала именно страхъ, и превращала трусость нашалившаго ребенка во что-то совсѣмъ другое.

Вотъ, напримѣръ: тяжелая болѣзнь жены. Оперированная, она лежала въ клиникѣ. Розановъ въ это время ночевалъ разъ у Тернавцева. И всю ночь, по словамъ Тернавцева, не спалъ, плакалъ и, безпрестанно вставая, молился передъ иконами. Всю

ночь вслухъ «каялся», что не былъ достаточно нѣженъ, справедливъ — къ церкви, къ духовенству; не покорялся смиренно, возражалъ, протестовалъ... Вотъ, Богъ и наказываетъ... и онъ, какъ мальчикъ, шепчетъ строгому церковному Богу: прости, помилуй, больше не буду!

Въ связи съ этимъ, въ Уединенномъ:

«Иду въ Церковь! Иду! Иду»!

И потомъ еще:

«Какъ бы я могъ быть не тамъ, гдѣ наша мамочка? И я сталъ опять православнымъ».

Сталъ ли? Это и теперь его тайна, хотя пророческія слова исполнились:

«Конечно, я умру все-таки съ Церковью, ...конечно, духовенство мнѣ все-таки всѣхъ (сословій) милѣе»...

Однако:

«Но среди ихъ умирая, я все-таки умру съ какой-то мукой о нихъ».

Это борьба съ «церковью».

А вотъ «Христоборчество». Вотъ одно изъ наиболѣе дерзкихъ возстаній его — книга «Темный Ликъ», гдѣ онъ пишетъ (точно, сильно, разговорно, какъ всегда), что Христосъ, придя, «охолодилъ, заморозилъ» міръ и сердце человѣка, что Христосъ обманщикъ и разрушитель. Денница, — повторяетъ онъ прикрыто, т. е. Духъ Темный, а не Свѣтлый.

И что же, кается, дрожитъ, проситъ прощенія?

Нисколько. Выдержки изъ «Темнаго Лика» читались, при немъ, на Собраніяхъ, онъ составлялъ самые стойкіе отвѣты на возраженія. Спорилъ въ частныхъ бесѣдахъ, защищался — Библіей, Ветхимъ Завѣтомъ, пламенно защищался еврействомъ, на сторону котораго всецѣло становился, какъ бы религіозно сливаясь съ нимъ.

Съ однимъ извѣстнымъ поэтомъ, евреемъ, Розановъ при мнѣ чуть не подрался.

Поэтъ и философъ, совсѣмъ не приверженный къ христіанству, доказывалъ, что въ Библіи нѣтъ личности и нѣтъ духа поэзіи, пришедшаго только съ христіанствомъ; что евреи и понятія не имѣли о нашемъ чувствѣ влюбленности, — въ міръ, въ женщину и т. д. Надо было видѣть Розанова, защищающаго «Пѣснь Пѣсней», и любовь, и огонь еврейства.

Принялся упрекать поэта въ измѣнѣ еврейству; тотъ ему отвѣтилъ, что, во всякомъ случаѣ, Розановъ — больше еврей, чѣмъ онъ самъ.

Этимъ споръ окончился — Розановъ внезапно замолчалъ.

Не потому, конечно, что заподозрилъ собесѣдника въ атеизмѣ. Атеистовъ, позитивистовъ онъ «презиралъ, ненавидѣлъ, боялся». Говорилъ: — «разстаюсь съ ними *вѣчнымъ разставаніемъ*». Но собесѣдникъ — еврей, а еврей не можетъ быть атеистомъ. Нѣтъ, по Розанову, антирелигіоз-

наго еврея, что бы онъ тамъ про себя ни думалъ, ни воображалъ. Въ каждомъ, все равно, «Богъ — насквозь». Недаромъ къ Аврааму былъ зовъ Божій. Про себя Розановъ говорилъ:

«Богъ призвалъ Авраама, а я самъ призвалъ Бога. Вотъ и вся разница».

И вдругъ, и вдругъ... словно чья-то тѣнь — тѣнь Распятаго? — проходила между нимъ и евреями. Онъ оглядывался на нее — и пугался, но уже не феноменальнымъ, а «ноуменальнымъ» (любимое его слово) страхомъ. Вдругъ — «болитъ душа! болитъ душа! болитъ душа»! и — потерявшись — онъ становится рѣзокъ, почти грубъ... къ евреямъ. Мнѣ приходилось слышать его въ эти минуты, но я разскажу о нихъ его собственными словами, будетъ яснѣе.

«...Какъ зачавкали губами и идеалистъ Борухъ, и такая милая Ревекка Ю-на, другъ нашего дома, когда прочли «Темн. Ликъ». Тутъ я сказалъ себѣ: «Назадъ! Страшись»! (мое отношеніе къ евреямъ).

Они думали, что я не вижу: но я хоть и «сплю вѣчно», а подглядѣлъ. Борухъ, соскакивая съ санокъ, такъ оживленно, в е с е л о, счастливо воскликнулъ, какъ бы передавая мнѣ тайную мысль и заражая собою:

— Ну, а все-таки — онъ лжецъ.

Я даже испугался. А Ревекка проговори-

ла у Шуры въ комнатѣ: «Н-н-н-да... Я прочла «Темный Ликъ». И такое счастье опять въ губахъ. Точно она скушала что-то сладкое.

Такихъ физіологическихъ (зрительно-осязательныхъ) вещицъ надо увидѣть, чтобы понять то, чему мы не хотимъ вѣрить въ книгахъ, въ исторіи, въ сказаніяхъ. Дѣйствительно, есть какая-то ненависть между Нимъ и еврействомъ. И когда думаешь объ этомъ — становится страшно. И понимаешь ноуменальное, а не феноменальное: «распни Его».

Думаютъ ли объ этомъ евреи? Толпа? По крайней мѣрѣ, никогда не высказываются».

Любовь къ Христу, личная, вѣрная, страстная — была кускомъ розановской души, даже не души — всего существа его. Но была тайной для зоркихъ глазъ тайновидца: «смотрѣлъ и не видѣлъ». Порою близко шевелилась, скрытая; тогда онъ тревожился; бросался въ сторону евреевъ и своего къ нимъ отношенія; отрекался, путался, сердился... Но жизнь повела его «долинами смертной тѣни». И любовь стала прорываться, подобно молніи. Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще мгновенья прорывовъ.

«... Тогда все объясняется... Тогда Осанна... Но такъ ли это? Впервые забрезжило въ умѣ»...

Сами собой гасли въ этихъ молніяхъ вспышки ненависти къ евреямъ. Понималась любовь — по-

настоящему; и забывалась опять. Можетъ быть, потомъ понялась навсегда?

11

«ВЪ СВОЕМЪ УГЛУ»

Осенью 1902 года мы начали съ П. П. Перцовымъ журналъ «Новый Путь».

Я до сихъ поръ не понимаю, какъ это вышло, что мы его начали, и даже довели безъ долговъ до 1906 года. Онъ точно самъ начался, — естественно вышелъ изъ Р. Ф. Собраній.

Денегъ у насъ не было никакихъ, кромѣ пяти тысячъ самоотверженнаго Перцова, да очень малой, внѣшней помощи издателя Пирожкова, и то лишь въ самые первые мѣсяцы. (Пирожковъ этотъ сталъ впослѣдствіи знаменитъ процессами со своими жертвами, — обманутыми писателями, обманутыми безцѣльно, ибо онъ и самъ провалился).

Перцову удалось получить разрѣшеніе на журналъ, благодаря той же приманкѣ: «сближеніе церкви съ интеллигенціей». Журналъ былъ вполнѣ «свѣтскій» (въ программѣ только упоминалось о вопросѣ «религіозномъ», «въ духѣ Вл. Соловьева»), однако, извѣстно было, что издаетъ его группа участниковъ Собраній и что тамъ предполагается помѣщать стенографическіе отчеты этихъ Собраній.

Положеніе журнала было исключительно трудное: каждая книга подлежала двойной цензурной трепкѣ; сначала шла къ обыкновенному цензору, а затѣмъ въ Лавру, къ духовному. Была у насъ и третья цензура, неофиціальная, интеллигентская: по тѣмъ временамъ, если эстетика и начинала кое-какъ завоевывать право на существованіе, то религія, безъ разбирательства, была осуждена; и насъ записали въ реакціонеры.

Но среди всѣхъ огорченій съ деньгами, да съ двумя офиціальными цензурами, намъ буквально не было времени огорчаться еще и этимъ. Пусть думаютъ, что хотятъ.

Всѣ мы работали и писали безъ гонорара. Платили только въ рѣдкихъ случаяхъ какому-нибудь начинающему (и очень талантливому) изъ неимущихъ. Литературная молодежь, — все мои пріятели, — помогала и работала, на насъ глядя, радостно, какъ въ своемъ дѣлѣ. Молодые поэты (Блокъ, Семеновъ, Пястъ) кромѣ стиховъ, давали, когда нужно, рецензіи, замѣтки, отчеты. Нѣсколько неопытныхъ «выходцевъ изъ-за желѣзнаго занавѣса», — приватъ-доценты Дух. Академіи, Карташевъ, Успенскій, — тоже пріучались къ журнальной работѣ, но эти — въ глубокой тайнѣ, безъ всякихъ подписей, ибо, если бъ узнало Лаврское начальство, имъ бы не поздоровилось.

И насъ, старыхъ литераторовъ, было изрядное

количество, такъ что въ матеріалѣ, совсѣмъ не плохомъ, недостатка не чувствовалось. Вячеславъ Ивановъ печаталъ тамъ «Религію страдающаго Бога». Мережковскій — свой романъ «Петръ и Алексѣй». Брюсовъ — ежемѣсячныя статьи объ иностранной литературѣ и даже... объ иностранной политикѣ.

О Розановѣ что и говорить. Онъ былъ несказанно радъ журналу. Прежде всего — упросилъ, чтобы ему дали постоянное мѣсто «на что захочетъ», и чтобъ названо оно было «Въ своемъ углу». Кромѣ того онъ изъ книжки въ книжку сталъ печатать свою длинную (и замѣчательную) работу «О юдаизмѣ».

Вѣчно торчалъ въ редакціи, отовсюду туда «забѣгалъ». Въ редакціи жилъ секретарь — «песъ» Ефимъ Е. (онъ же секретарь Собраній). Не лишенный юмора и весьма, при случаѣ, энергичный, онъ и тутъ, какъ секретарь, былъ очень цѣненъ. Возилъ въ Лавру, къ отцамъ-цензорамъ, весь нашъ матеріалъ (не одинъ «духовный», «свѣтскій» тоже). И, если отцы тревожились, подозрѣвая скрытый «соблазнъ» въ какомъ-нибудь стихотвореніи Сологуба, В. Иванова, Блока, — несъ имъ самую беззастѣнчивую, но полезную чепуху. Отстаивалъ, порою, статьи довольно смѣлыя, хотя съ великими жертвами: у В. Иванова, однажды, вездѣ «православіе» обратилось въ «католичество»; а такъ какъ статья была о Вл. Соловьевѣ — то можно себѣ представить, что получилось.

4

Посѣтителей (неизвѣстныхъ) принималъ тоже Ефимъ. И препотѣшно умѣлъ разсказывать объ этихъ пріемахъ. Онъ былъ, что называется, «pince sans rire». Никто лучше него не могъ бы справиться съ «авторами». Его важность, отрывистыя, безапеляціонныя реплики хорошо дѣйствовали на слишкомъ назойливыхъ. Бывали и застѣнчивые.

— А... могу я спросить, сколько вы платите? говорилъ какой-нибудь явно-безнадежный обладатель явно-безнадежной толстой рукописи.

Ефимъ не задумывался:

— А мы очень много платимъ... если намъ понравится. Но намъ рѣдко что нравится. Лучше вы вашу рукопись отдайте въ другое мѣсто.

Собственно говоря, вся редакціонная работа велась Перцовымъ и мною. Молодежь помогала, но положиться ни на кого изъ нихъ мы не смѣли. А Розановъ не только не помогалъ, но если бъ вздумалъ, мы бы въ ужасъ пришли. Всякое дѣло требуетъ своей «политики», т. е. какой-то линіи, считанья съ моментомъ, съ окружающими обстоятельствами и т. д. Розановъ ни на что подобное не былъ способенъ. Онъ, дѣйствительно, «всегда спалъ»; во снѣ хоть и умѣлъ «подглядывать», чего никто не видѣлъ, но подглядывалъ лишь то, что находилось въ кругѣ его идей, ощущеній, лишь въ томъ, что его интересовало и касалось.

Очень любилъ журналъ. И совершенно не-

винно, не замѣчая, могъ бы погубить его, дай ему волю, начни съ нимъ совѣтоваться, какъ съ равнымъ.

И такъ была ужасная возня. Приноситъ онъ очередной матеріалъ, — главу «Юдаизма» и «Уголъ», безконечныя простыни бумажныя, меленько-меленько исписанныя. Въ наборъ? Какъ бы не такъ. Мы не «Новое Время» и съ наборомъ должны экономничать. Безъ того приходится дѣлать иногда, послѣ свѣтской цензуры, для духовной, — второй наборъ; какъ бы не навести «отцовъ» на неподобающія размышленія... И вотъ мы съ Перцовымъ принимаемся за чтеніе Розановскихъ іероглифовъ. Не вмѣстѣ, — Перцовъ глухъ, самъ читаетъ невнятно и неохотно, — а по очереди.

Ни разу, кажется, не было, чтобы мы не наткнулись въ этихъ писаніяхъ на такія мѣста, какихъ или цензорамъ нашимъ даже издали показать нельзя, или какихъ мы съ Перцовымъ выдержать въ нашемъ журналѣ не могли.

Эти мѣста мы тщательно вычеркивали, а затѣмъ... жаловались Розанову: «вотъ что дѣлаетъ цензура. Порядкомъ она у васъ въ углу выѣла». Впрочемъ, прибавляли, для косвеннаго его поученія:

— Сами, голубчикъ, виноваты. Развѣ можно такое писать? Какая же это цензура выдержитъ?

Скажу, впрочемъ, что мы дѣлали выкидки лишь

самыя необходимыя. Перцовъ слишкомъ любилъ Розанова и понималъ его цѣнность, чтобы позволить себѣ малѣйшее искаженіе его идей.

Редактируя, для журнала, стенографическіе отчеты Собраній, мы ни звука не выкидывали розановскаго: тутъ онъ самъ за себя отвѣчаетъ, пусть отвѣчаетъ передъ цензорами.

Сухость стенограммъ порою приводила насъ въ отчаяніе: исчезала атмосфера собраній, приподнятая и возбужденная, не передавалось настроеніе публики...

Чаще всего редактировали мы эти отчеты вдвоемъ не съ Перцовымъ, а съ Тернавцевымъ.

Собраніе, недавнее, было еще свѣжо въ памяти.

— Какой вздоръ! говорю я. Она (стенографистка) не дослышала. Или не поняла... Вѣдь, тутъ, помните, вѣдь, тутъ...

— Ну да! кричитъ неистовый Валентинъ. — Василій Михайловичъ (Скворцовъ) сказалъ «совѣсть». А кто-то ему крикнулъ: «разная бываетъ совѣсть. Бываетъ и сожженная совѣсть»... Онъ такъ и осѣлъ... Вставляйте сюда «голосъ изъ публики!»

Валентинъ Тернавцевъ былъ не нашего «лагеря»; но художественное чутье побѣждало въ немъ «церковника», и мы оба увлекались, стараясь превратить казенную запись въ образную картину Собранія.

— Здѣсь еще «голосъ изъ публики!» оралъ Валентинъ. Обязательно, голосъ! Я слышалъ, толстуха промяукала, какъ ее,—секты изслѣдуетъ, она около меня сидѣла. Пишите тутъ — изъ публики!

Иногда мы посылали Розановскій докладъ или возраженіе ему на просмотръ, боясь ошибокъ записи. А онъ возвращалъ — совершенно измѣненную вещь, почти новую статью. Что было дѣлать? Звали его, бранились, и онъ на мѣстѣ, тутъ же, въ третій разъ ее переписывалъ.

Перцовъ имѣлъ привычку вдругъ уѣзжать изъ Петербурга, на неопредѣленное, довольно продолжительное время. Глухой и скрытный, онъ глухо исчезалъ, не оставляя и адреса. Знали только, что куда-нибудь въ Кострому или дальше: онъ былъ волжанинъ, «рѣчной человѣкъ», какъ онъ говорилъ.

Тогда мнѣ приходилось тѣсно. «Мальчики» мои, въ сомнѣніи, откровенно признавались, что не знаютъ, какъ поступить. Розановъ, не обращая на меня никакого вниманія, лѣзъ къ Ефиму; а Ефимъ разлѣнивался, не читалъ первыхъ корректуръ и спорилъ со мной изъ-за Брюсова, находя его недостаточно либеральнымъ.

Къ счастью, Перцовъ уѣзжалъ не въ очень горячее время, — къ веснѣ. Мѣсяца черезъ два возвращался, и все входило въ норму.

12

БУДЬ ВѢРЕНЪ ВЪ ЛЮБВИ...

На ревнивыхъ женъ Розанову везло.

Ну, та, первая, подруга Достоевскаго, — вообще сумасшедшая старуха; ее и нельзя считать женой Розанова. Но настоящая, любящая и обожаемая «Варя», мать его дѣтей, женщина скромная, благородная и простая, — тоже ревновала его ужасно.

Ревновать Розанова — безразсудство. Но чтобы понять это — надо было имѣть на него особую точку зрѣнія, не прилагать къ нему обычныхъ человѣческихъ мѣрокъ.

Ко всѣмъ женщинамъ онъ, почти безъ различія, относился возбужденно-нѣжно, съ любовнымъ любопытствомъ къ ихъ интимной жизни. У него — его жена, и она единственная, но эти другія — тоже чьи-то жены? И Розановъ умилялся, восхищался тѣмъ, что и онѣ жены. Имѣющія дѣтей, беременныя, особенно радовали. Интересовали и дѣвушки — будущія жены, любовницы, матери. Его влекли женщины и семейственныя, — и кокетливыя, всѣ наиболѣе полно живущія своей женской жизнью. Въ Розановской интимности именно съ женщиной былъ еще оттѣнокъ особой близости: мы, молъ, оба, я и ты, знаемъ съ тобой одну какую-то

тайну. Розановъ, вѣдь, чувствовалъ въ себѣ самъ много женскаго. «Бабьяго», какъ онъ говорилъ. (Разъ выдумалъ, чтобы ему позволили подписываться въ журналѣ «Елизавета Сладкая». И огорчился, что мы не позволили).

Человѣческое въ женщинѣ не занимало его. Ту, съ которой не выходитъ этого особаго, женскаго, интимничанья, онъ скоро переставалъ замѣчать. То-есть начиналъ къ ней относиться, какъ вообще къ окружающимъ. Если съ интересомъ порою — то уже безъ специфическаго оттѣнка въ интимности.

Смѣшно, конечно, утверждать, что это нѣжно-любопытное отношеніе къ «женщинѣ» было у Розанова только «идейнымъ». Онъ входилъ въ него весь, съ плотью и кровью, какъ и въ другое, что его дѣйствительно интересовало. Я не знаю, и знать не хочу, случалось ли съ нимъ то, что называютъ «грѣхомъ», фактической «измѣной». Можетъ быть да, можетъ быть нѣтъ. Неинтересно, ибо это ни малѣйшаго значенія не имѣетъ, разъ дѣло идетъ о Розановѣ. И самъ онъ слишкомъ хорошо понимаетъ, — ощущаетъ, — свою органическую вѣрность.

«Будь вѣренъ человѣку, и Богъ ничто не поставитъ тебѣ въ невѣрность.

«Будь вѣренъ въ дружбѣ и вѣренъ въ любви: остальныхъ заповѣдей можешь и не исполнять».

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли вообразить о Роза-

новѣ, что онъ вдругъ серьезно влюбляется въ «другую» женщину, переживаетъ домашнюю трагедію, рѣшается развестись съ «Варей», чтобы жениться на этой другой? О комъ угодно —можно, о Розановѣ — непредставимо! И если все-таки вообразить — дѣлается смѣшно, какъ если бы собака замурлыкала.

Собака не замурлычитъ. Розановъ не измѣнитъ. Онъ вѣренъ своей женѣ, какъ ни одинъ мужъ на землѣ. Вѣренъ — «ноуменально».

Да, но жена-то этого не знаетъ. Инстинктомъ любви своей, глубокой и обыкновенной, она не принимаетъ розановскаго отношенія къ «женщинѣ», къ другимъ женщинамъ. У нея ложная точка зрѣнія, но со своей точки зрѣнія она права, ревнуя и страдая.

Розановская душа, вся пропитанная «жалѣніемъ», не могла переносить чужого страданья. Единственно, что онъ считалъ и звалъ «грѣхомъ» — это причинять страданье.

> «Хотѣлъ бы я быть только хорошимъ? Было бы скучно. Но чего я ни за что не хотѣлъ бы, — это быть злымъ, вредительнымъ. Тутъ я предпочелъ бы умереть».

Что же ему дѣлать, чтобы не видать страданій любимой жены? Измѣниться онъ не можетъ, да и не желаетъ, такъ какъ чувствуетъ себя правымъ и невиннымъ; страданій этихъ не понимаетъ (какъ во

обще ревности не понимаетъ, — никакой), но видитъ ихъ и не хочетъ ихъ. Что же дѣлать?

И онъ, при ней, изо всѣхъ силъ начинаетъ ломать себя. Боится слово лишнее сказать, дѣлается неестественнымъ, приниженно глупымъ. Увы, не помогаетъ. Во-первыхъ, онъ, бѣдненькій, не могъ угадать, какое его слово или жестъ окажутся вдругъ подозрительными. А во-вторыхъ, ревновала его жена къ духу самому, къ неуловимому; въ жестѣ ли, въ словѣ ли дѣло? Не понимая, не угадывая, что можетъ ее огорчить, онъ даже самыя невинныя вещи, невинныя посѣщенія, понемногу началъ скрывать отъ жены. На всякій случай, — а вдругъ она огорчится? Чтобы она не страдала, (этого онъ не можетъ!) надо, чтобы она не знала. Вотъ и все.

Въ «секреты» розановскіе были, конечно, посвящены всѣ. Онъ всѣмъ ихъ повѣрялъ — вмѣстѣ со своей нѣжностью къ женѣ, трогательно умоляя не только не «выдавать» его, а еще, при случаѣ, поддержать, прикрыть, «чтобы она была спокойна».

Онъ, дѣйствительно, заботился только о ея спокойствіи; о себѣ — какъ бы, по неловкости, не «согрѣшить», т. е. не достаточно умѣло соврать. Вѣдь, —

> «...я былъ всегда ужасно неуклюжій. Во мнѣ есть ужасное уродство поведенія, до неумѣнія «встать» и «сѣсть». Просто не знаю, к а к ъ. Никакого сознанія горизонтовъ»...

Очень прямые люди нѣтъ-нѣтъ и возмутятся:

«Василій Васильевичъ, да вѣдь это же обманъ, ложь!» Какое напрасное возмущеніе! Прописывайте вы человѣческіе законы ручью, вѣтру, закату; не услышатъ и будутъ правы: у нихъ свои.

> «Даже и представить себѣ не могу такого «беззаконника», какъ я самъ. Идея «закона», какъ «долга», никогда даже на умъ мнѣ не приходила.
>
> Только читалъ въ словаряхъ на букву Д. Но не зналъ, что это, и никогда не интересовался. «Долгъ выдумали жестокіе люди, чтобы притѣснять слабыхъ. И только дуракъ ему повинуется». Такъ, приблизительно...
>
> Только всегда была у меня Жалость. И была благодарность. Но это какъ «аппетитъ» мой; мой вкусъ.
>
> Удивительно, какъ я удѣлывался съ ложью. Она меня никогда не мучила...
>
> Такъ меня устроилъ Богъ».

«Устроилъ», и съ Богомъ не поспоришь. Главное — безполезно. Безполезно упрекать Розанова во «лжи», въ «безнравственности», въ «легкомысліи». Это все наши понятія. Легкомысліе? —

> «Я невѣстюсь передъ всѣмъ міромъ: вотъ откуда постоянное волненіе».

Дайте же ему «невѣститься». Тѣмъ болѣе, что не можете запретить. Наконецъ, въ какомъ-нибудь смыслѣ, можетъ, оно и хорошо?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

ДУША ОЗЯБЛА

Побѣдоносцевъ посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, да и запретилъ Р. Ф. Собранія.

«Отцы» ужъ давно тревожились. Никакого «сліянія» интеллигенціи съ церковью не происходило, а только «свѣтскіе» все чаще припирали ихъ къ стѣнѣ, — одолѣвали. Выписанъ былъ на помощь (изъ Казани?) архимандритъ Михаилъ, славившійся своей рѣчистостью и знакомствомъ со «свѣтской» философіей. Но Михаилъ — о ужасъ! — послѣ двухъ собраній явно перешелъ на сторону «интеллигенціи», и, вмѣсто помощника, архіереи обрѣли въ немъ новаго вопрошателя, а, подчасъ, обвинителя. (Дальнѣйшая судьба этого незауряднаго человѣка любопытна. Продолжалъ острую борьбу противъ православной церкви и, подъ угрозой снятія сана, перешелъ въ старообрядчество, гдѣ былъ епископомъ.

Онъ возглавлялъ группу «голгофскихъ христіанъ». Въ 1916 году умеръ въ Москвѣ, въ больницѣ для чернорабочихъ).

При такихъ обстоятельствахъ оставалось одно: закрыть, отъ грѣха, Собранія. Закрыли.

Вскорѣ подоспѣла японская война, а съ ней медленное, еще глухое, но все наростающее внутреннее броженіе.

«Новый Путь» продолжался, — очень трудно: безъ главнаго подспорья своего, — отчетовъ о Собраніяхъ, подъ неистовствомъ духовной цензуры, съ растущими денежными затрудненіями.

Перцовъ сталъ охладѣвать къ дѣлу и все чаще уѣзжать на Волгу. Розановъ, понемногу, началъ отходить тоже.

Дѣло въ томъ, что группа главныхъ участниковъ журнала къ тому времени не была уже сплочена. Расхожденіе — не въ идеѣ, а, пожалуй, въ направленіи воли.

Собственно идея (какъ и тема нашихъ споровъ съ церковью) была всегда одна: Богъ и міръ; равноцѣнность, въ религіи, духа и плоти. Можно себѣ представить, какъ это было близко сердцу Розанова. Однако, защищая «міръ», онъ весь его стягивалъ къ полу и личности; другіе-же, въ понятіе «міра», хотѣли вдвинуть и вопросъ общественный.

Иногда Розановъ, по геніальному наитію, могъ изрекать вещи въ этой области очень вѣрныя, даже

пророческія. Но не понималъ тутъ ровно ничего, органически не могъ понимать, и отвращался.

«Общественность», кричатъ вездѣ, «побужденіе общественнаго интереса!»...

«...Когда я встрѣчаю человѣка съ «общественнымъ интересомъ», то не то, чтобы скучаю, не то, чтобы враждую съ нимъ: но просто умираю около него».

«Весь смокнулъ и растворился: ни ума, ни воли, ни слова, ни души.

Умеръ».

И далѣе:

«Народы, хотите ли я вамъ скажу громовую истину, какой вамъ не говорилъ ни одинъ изъ пророковъ...

— Ну? Ну?... Хх...

— Это — что частная жизнь выше всего.

— Хе-хе-хе! Ха-ха-ха!

— Да, да! Никто этого не говорилъ; я — первый... Просто, сидѣть дома и хотя бы ковырять въ носу «и смотрѣть на закатъ солнца!»... И «воля къ мечтѣ»... И «чудовищная» задумчивость...

— Что ты все думаешь о себѣ? спрашиваетъ жена. Ты бы подумалъ о людяхъ.

— Не хочется...

Не хочется, — интереса нѣтъ. А что такое Розановъ безъ внутренняго, его потрясающаго, инте-

реса? Ребячески путаетъ и путается, если не случилось наитія, бранится — и ускользаетъ, убѣгаетъ.

Передъ революціонными волненіями онъ уже льнетъ больше къ литературно-эстето-мистическимъ кружкамъ, которые, словно пузыри, стали вскакивать то здѣсь, то тамъ. Заглядываетъ «въ башню» Вяч. Иванова, когда тамъ водятъ «хороводы» и поютъ вакхическія пѣсни, въ хламидахъ и вѣнкахъ. Юркнулъ и на «радѣніе» у Минскаго, гдѣ для чего-то кололи булавкой палецъ у скромной неизвѣстной женщины, и каплю ея крови опускали въ бокалъ съ виномъ.

Ходилъ туда Розановъ, конечно, въ величайшемъ секретѣ отъ жены, — тайкомъ.

Въ редакціи нашей показывался все рѣже. Воскресенья его — не помню, продолжались ли; кажется, опустѣли на время. А когда событія сдѣлались болѣе серьезными, Розанова точно отнесло отъ насъ, на другую волну попалъ.

Мы видѣлись, кажется... Но мелькомъ. Кто-то говорилъ, что самые острые дни онъ просидѣлъ у себя на Шпалерной. Не изъ трусости, конечно, — что ему? А просто было «неинтересно» или даже «отвращало». Можетъ быть, занимался нумизматикой...

Впрочемъ, скоро опять появился и даже сталъ интересоваться тѣмъ, что происходитъ, — со своего боку. Полюбилъ «митинги».

— Что вы тамъ слушаете, Василій Васильевичъ?

— Что слушаю, ничего, я смотрю, какъ слушаютъ. Какія удивительныя есть, — курсистки. Глаза такъ и горятъ. И много прехорошенькихъ.

Въ это время онъ написалъ брошюру «Когда начальство ушло», — такую же... даже не подберу выраженія — осязательную что ли, какъ все, что у него писалось-выговаривалось. Кромѣ этой «осязательности» стиля ничего въ ней не запомнилось. Но едва «начальство вернулось» — брошюра была запрещена.

Мы уже закончили нашъ журналъ (въ послѣднее полугодіе сильно реформированный), передавъ его «идеалистамъ»: Булгакову, Бердяеву и всему ихъ кружку. Въ началѣ 1906 мы собирались надолго за границу.

Розановъ, этой послѣдней зимой, бывалъ у насъ иногда, — не часто. Интересно, что очень не взлюбилъ его Боря Бугаевъ (А. Бѣлый. Онъ, пріѣзжая изъ Москвы, жилъ у насъ).

Съ трагически скошенными глазами, сдвинувъ брови, — ко мнѣ:

— Послушайте, послушайте. Вѣдь Розановъ — это пло! П-л-о!

— Что такое? Какое еще «пло»?

Оказывается, это онъ ѣхалъ по Караванной и видѣлъ вывѣску (фамилія, должно быть) Пло. И ему казалось, что если повторять страшнымъ голо-

сомъ: «Пло! Пло!» — то можно его представить себѣ похожимъ на Розанова, и даже такъ, что самъ Розановъ — П-Л-О.

Меня эта ассоціація не увлекла, но, зная обоихъ, можно было уловить, какъ Бугаевъ соединяетъ «Пло» съ Розановымъ и почему «боится» ихъ. Не всякая чепуха совершенно безсмысленна.

Разстались мы съ Розановымъ по дружески. Онъ даже обѣщалъ писать (очень любилъ писать письма). Но не писалъ... долго. И вдругъ, чуть не черезъ годъ, — письмо за письмомъ, въ Парижъ.

Что такое?

Розановскія письма, какъ всегда сверкающія, махровыя, разговорныя, — содержали на этотъ разъ конкретную просьбу. Онъ умолялъ меня содѣйствовать возвращенію его писемъ къ одной «литературной» дамѣ, мужъ которой только что, послѣ 1905 года, эмигрировалъ (притомъ довольно глупо и напрасно). Розановъ зналъ, что чета находится въ Парижѣ. Коварная дама будто бы не дѣлала ни для кого секрета изъ этихъ писемъ, компрометантныхъ лишь для Розанова (ужъ, конечно, компрометантныхъ, и, конечно, блестящихъ — вѣдь, это были по розановски интимныя письма къ женщинѣ, да еще кокетливой, да еще еврейкѣ!).

Въ мольбахъ Розанова слышалось отчаяніе. Понять, зачѣмъ ему такъ понадобились эти письма — было нетрудно. А такъ какъ мы знали, что жена

Розанова тяжело больна (говорили, что у нея нервный ударъ), то объяснилось и отчаяніе. Онъ боялся, нестерпимо мучаясь, что о письмахъ можетъ узнать Варвара Дмитріевна.

Чувство его къ женѣ, какая-то гомерическая смѣсь любви и жалости, дѣлается, въ этотъ періодъ, трагичнымъ. Въ него вливается «осязательное» ощущеніе — смерти.

Не то, чтобы Розановъ измѣнился. Ощущеніе смерти не ново для него. Всегда въ немъ жило «но — не думалъ», а тутъ оно выплыло изъ глубинъ наверхъ, расширилось, покрыло всѣ другія ощущенія. (Да и навсегда окрасило, не уменьшивъ ихъ силы, въ свой цвѣтъ).

> «Я говорилъ о бракѣ, бракѣ, бракѣ... а ко мнѣ все шла смерть, смерть, смерть».
>
> И еще:
>
> «Смерти я боюсь, смерти я не хочу, смерти я ужасаюсь»...
>
> Наконецъ:
>
> «Смерти я совершенно не могу перенести...»
>
> «...Я такъ относился къ ней, какъ бы никто и ничто не долженъ былъ умереть. Какъ бы смерти не было».
>
> «Самое обыкновенное, самое «всегда»: и этого я не видѣлъ».

«Конечно, я ее в и д ѣ л ъ: но значитъ я н е с м о т р ѣ л ъ... Не значитъ ли это, что и н е л ю б и л ъ?»

«Вотъ «дурной человѣкъ во мнѣ», дурной и страшный. Въ этотъ моментъ, какъ я ненавижу себя, «какъ враждебенъ себѣ».

У Розанова нѣтъ «мыслей», того, что мы привыкли называть «мыслью». Каждая въ немъ — непремѣнно и пронзительное ф и з и ч е с к о е ощущеніе. Къ «разсужденіямъ» онъ поэтому неспособенъ, что и самъ знаетъ:

«Я только смѣюсь и плачу. Разсуждаю ли я въ собственномъ смыслѣ? Никогда!»

Смерть для него была физическимъ «холодомъ» (какъ жизнь, любовь-жалость, — грѣющимъ, свѣтящимъ огнемъ).

«Больше любви; больше любви, дайте любви! Я задыхаюсь въ холодѣ.

У, какъ вездѣ холодно!»

И когда онъ говоритъ:

«Душа озябла. Страшно, когда наступаетъ ознобъ души» —

это не метафора, не образъ, — гдѣ его «душа», гдѣ тѣло? — но опять ф и з и ч е с к о е, тѣлесное ощущеніе х о л о д а, — ощущеніе смерти.

Писемъ, о которыхъ онъ такъ умолялъ, мы ему не достали. Мы знакомы были съ мужемъ розановской мучительницы. Къ мужу и обратились съ хо-

датайствомъ. Онъ предупредилъ насъ, что надежды мало. И дѣйствительно. Не отдала. Не захотѣла.

Я не думаю, чтобы изъ этого вышла большая бѣда. Врядъ ли до больной женщины могли дойти слухи объ этой, въ сущности, невинной исторіи; а если бы и дошли? Она, вѣроятно, уже не приняла бы это такъ, какъ опасался Розановъ.

А все же, въ то время, очень мнѣ было Розанова жалко.

2

ВЪ ЧУЖОМЪ МОНАСТЫРѢ

Я не пишу диѳирамба Розанову. Не говоря о томъ, что —

> «Никакой человѣкъ не достоинъ похвалы; всякій человѣкъ достоинъ только жалости» —

есть ли смыслъ хвалить (или порицать) Розанова? Есть ли хоть интересъ? Ни малѣйшаго. Важно одно: понять, прослѣдить, опредѣлить Розанова, какъ рѣдчайшее я в л е н і е, собственнымъ закономъ подвластное и живущее въ средѣ людской. Понять цѣнность этого говорящаго явленія, т. е. понять, что́ оно, такое какъ есть, можетъ дать намъ, или что́ можемъ мы отъ него взять. Но непремѣнно такое, какъ есть.

«Иду! Иду! Иду! Иду!...
И гдѣ кончается мой путь — не знаю.
И не интересуюсь. Что-то стихійное а не ч е л о в ѣ ч е с к о е. Скорѣе «несетъ», а не иду. Ноги волочатся. И срываетъ меня съ каждаго мѣста, гдѣ стоялъ».
Гдѣ ужъ тутъ «человѣческое»!

Надо, однако, сознаться, что понять это чрезвычайно трудно. Такъ трудно, что и мы, знавшіе его, мгновеніями видѣвшіе, что онъ не идетъ въ ряду другихъ людей, а «несетъ» его около нихъ, — и мы забывали это, слѣпли, начинали считаться съ нимъ, какъ съ обычнымъ человѣкомъ.

Можетъ быть, и нельзя иначе, — нельзя было иначе тогда. Вѣдь, все-таки онъ имѣлъ видъ обыкновеннаго человѣка, ходилъ на двухъ ногахъ, носилъ галстухъ и сѣрые брюки, имѣлъ дѣтей, даръ слова... и какой даръ! Можетъ быть, потому, что онъ, съ этимъ даромъ, неограниченный никакими человѣческими законами, жилъ с р е д и н а с ъ, гдѣ эти законы дѣйствуютъ, мы даже права не имѣли не охранять ихъ отъ него? Всякое человѣческое общество — монастырь. Для Розанова — чужой монастырь (всякое!). Онъ въ него пришелъ... со своимъ уставомъ. Можетъ ли монастырь позволить одному единственному монаху жить по его собственному уставу? «Оставьте меня въ покоѣ». «Да, но и ты оставь насъ въ покоѣ, уходи».

«Я еще не такой подлецъ, чтобы думать о морали», говоритъ Розановъ и начинаетъ писать двумя руками: въ Новомъ Времени одно, — въ Русскомъ Словѣ, подъ прозрачнымъ и не скрывающимся псевдонимомъ, другое.

Обѣими руками онъ пишетъ искренно, (какъ всегда), отъ всей махровой души своей.

Онъ правъ.

Но совершенно правъ и П. Б. Струве, печатая въ Русской Мысли, рядомъ, параллельныя (полярныя) статьи Розанова и обвиняя его въ «двурушничествѣ».

Однако, я забѣгаю впередъ.

Возвратясь въ Петербургъ, мы нашли Розанова съ виду совершенно такимъ же, какимъ оставили. Такимъ же суетливымъ, интимничающимъ, полушопотнымъ говоркомъ болтающимъ то о важномъ, то о мелочахъ. Лишь приглядываясь, можно было замѣтить, что онъ еще больше размахровился, все въ немъ торчитъ во всѣ стороны, противорѣчія еще подчеркнулись.

Впрочемъ, особенно приглядываться не было случая: Розанова мы стали видѣть не часто. Вышло это само собою. Съ нимъ и вообще-то никогда ничего нельзя было вмѣстѣ дѣлать, а тутъ почувствовалось, что и нечего дѣлать.

Въ Петербургѣ же, послѣ «половинной» рево-

люціи, многіе вообразили, что можно что-то «дѣлать», — во всякомъ случаѣ тянулись къ активности.

О Розановѣ ходило тогда много слуховъ, вѣрнѣе — сплетенъ, о разныхъ его прошлыхъ «винахъ», которыми мы не интересовались. Да и мало вѣрили: жена все еще была сильно больна, и въ Розановѣ, хотя онъ объ этомъ не говорилъ, очень чувствовалась боль смертная и забота.

Разъ какъ-то забѣжалъ къ намъ лѣтомъ, по дорогѣ на вокзалъ (жилъ тогда на дачѣ, въ Лугѣ, кажется).

Торопливый, съ пакетами, въ коричневой крылаткѣ. Но хоть и спѣшилъ — остался, разговорился. Такъ, въ крылаткѣ, и бѣгалъ нервно по комнатѣ, блестя очками.

Разговоръ былъ, конечно, о религіи, и опять о христіанствѣ. Отношеніе къ нему у Розанова показалось мнѣ мало по существу измѣнившимся. Тѣ же упреки, что христіанство не хочетъ знать міра съ его теплотой и любовью, не пріемлетъ семью и т. д. Потомъ вдругъ:

— Вы, вѣдь, «апокалиптическіе» христіане... А какое же тамъ, въ Откровеніи, христіанство? Я Откровеніе принимаю... Я даже четвертое евангеліе, всего Іоанна, готовъ принять. Только не синоптиковъ. Давайте, откажитесь отъ синоптиковъ, — будемъ вмѣстѣ...

Мы, конечно, отъ синоптиковъ не отказались,

но въ эту минуту кто-то принесъ показать Розанову нашихъ маленькихъ щенковъ, шестинедѣльныхъ младенцевъ-таксиковъ, — и на нихъ тотчасъ обратилось все его вниманіе.

— Вотъ бы дѣтямъ... Ахъ, Боже мой... Вотъ бы дѣтямъ свезти...

— Да возьмите, Василій Васильевичъ, выберите какого лучше и тащите съ собой на дачу.

— Ахъ, Господи... Нѣтъ, я не смѣю. Дома еще спросятъ: что? откуда? Нѣтъ, не смѣю. А хорошо бы...

Мы вспомнили, что для Розанова и нашъ домъ былъ всегда «запрещеннымъ»: жена считала его «декадентскимъ», гдѣ, будто бы, Василія Васильевича... отвращаютъ отъ православія.

— Скажите, что на улицѣ нашли, продолжаю я убѣждать Розанова насчетъ щенка.

— Не повѣрятъ... Нѣтъ, не смѣю...

Такъ и ушелъ, не взялъ.

3

КАКІЯ «ДА»! КАКІЯ «НѢТЪ»!

Мы застали въ Петербургѣ, какъ бы на мѣстѣ старыхъ Р.-Ф. Собраній, цѣлое Рел. Фил. Общество, легализированное и многолюдное.

Ничего похожаго на прежнія, полуподполь-

ныя, острыя, Собранія. Предсѣдатель — Карташевъ, выходецъ «изъ-за желѣзнаго церковнаго занавѣса», но выходецъ окончательный: еще до нашего отъѣзда мы его убѣдили (съ большими трудами, точно предлагали броситься въ холодную воду) — покинуть Духовную Академію. Онъ рѣшился, наконецъ, (тѣмъ болѣе, что положеніе его было уже тамъ непрочно), и, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, выплылъ въ житейское море.

Волны этого моря не оказались коварными для него: онъ устроился въ Публичной Библіотекѣ, а затѣмъ сталъ преподавателемъ богословія на Женскихъ курсахъ. Печать нѣкоторой постоянной «боязни», вѣчное оглядыванье, еще отличала въ немъ человѣка изъ «иного міра»; но понемногу онъ пріучался къ «свѣтской» свободѣ.

Р.-Ф. Общество, гдѣ его выбрали предсѣдателемъ, было, въ сущности, однимъ изъ обыкновенныхъ интеллигентскихъ обществъ. Только съ нѣкоторымъ привкусомъ «московскаго идеализма» (чуть уловимый кренъ къ православію). Священники посѣщали его, но объ архіереяхъ, о черномъ духовенствѣ — и помину не было. Полное отсутствіе такъ называемой «учащей церкви».

Мы, несмотря на чуждый намъ уклонъ, вошли въ Совѣтъ Общества и естественно внесли туда мятежный духъ, мѣняющій направленіе. Это, впрочемъ, дѣлалось медленно и не безъ трудовъ.

Розановъ въ Совѣтѣ не состоялъ. Онъ только, по памяти, былъ однимъ изъ первыхъ дѣйствительныхъ членовъ, — или даже членомъ-учредителемъ, не помню. На засѣданія ходилъ, но никакихъ докладовъ не читалъ. Все было другое. По времени — острота лежала въ чуждомъ Розанову вопросѣ: не о религіозномъ полѣ, а о религіозной общественности.

Годы мелькали, — послѣдніе, предвоенные. О нихъ можно бы много разсказать, но я пишу не о нихъ, — о Розановѣ.

Мы его совсѣмъ больше не видѣли. Знали, что жена плохо поправляется, что онъ давно не живетъ на Шпалерной, переѣзжаетъ съ квартиры на квартиру, что послѣ смерти старика Суворина положеніе его въ Новомъ Времени не измѣнилось. Слышали, что онъ видится съ новыми людьми, очень отъ насъ далекими... а, главное, слышали его самого въ изданныхъ въ это время «Уединенномъ» и «Опавшихъ Листьяхъ» («2 короба»).

Именно слышали его въ этихъ трехъ... книгахъ? Онъ былъ правъ, говоря, что такихъ «книгъ» никто раньше не писалъ и никто не напишетъ. Для этого надо умѣть «выговаривать» себя, какъ онъ, а чтобы издать ихъ — надо быть «беззаконникомъ», не понимающимъ «что ему современничаютъ другіе люди». Словомъ — надо быть въ полнотѣ «Розановымъ».

Для знавшихъ его, какъ мы знали — ничего новаго въ этихъ книгахъ не содержалось. То же, что онъ говорилъ, не разъ, и та же интимность до... до полнаго душевнаго раздѣванія. Былъ въ нихъ весь: съ Богомъ и поломъ, съ Россіей, которую чувствовалъ изнутри, какъ самого себя, и любя, и ругая; съ евреями, его притягивающими и отталкивающими; и даже съ трагично выплывшимъ поверхъ другихъ «ощущеній» — ощущеніемъ смерти, холода.

Только всѣ «да-нѣтъ», чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче подчеркивались, все чудовищнѣе переплетались; онъ самъ останавливается удивленно: «Душа моя какая-то путаница»... И эта эволюція (если это эволюція) была въ немъ какъ-будто еще незакончена.

Дѣйствительно: не предстояло ли ему безмѣрно обостриться въ противорѣчіяхъ; дойти до глубины страданій; «выговорить» ихъ въ предсмертныхъ тетрадяхъ своего «Апокалипсиса» и, наконецъ, въ монастырѣ, въ Троице-Сергіевской Лаврѣ, — умереть на рукахъ самаго, кажется, умнаго и жестокаго священника — П. Ф.?

4

МНѢ ВСЕ МОЖНО

Объ этомъ священникѣ кто-нибудь напишетъ въ свое время. Мы знали его московскимъ студен-

томъ-математикомъ (онъ писалъ въ Новомъ Пути). Потомъ встрѣчали въ Донскомъ Монастырѣ, у его духовника, мятежнаго и удивительнаго еп. Антонія. Но дѣйствительно узнали и поняли черезъ сестру его, Ольгу. Она любила его, ѣздила къ нему въ Лавру, но никогда не была подъ его вліяніемъ. Была близка намъ, подолгу живала у насъ. Эта замѣчательная женщина-дѣвушка умерла, передъ войной, 22-хъ лѣтъ отъ роду.

Я не буду писать ни о ней, ни о братѣ: слишкомъ удлинило бы это мой разсказъ. Да и жизнь его еще не кончена. Думаю, сильная личность его не пройдетъ безъ слѣда даже въ наше смутное время.

Любилъ ли его Розановъ? Уже въ предвоенные годы зналъ его. Но упоминаетъ о немъ рѣдко, вскользь: «вся его натура какая-то ползучая»...

Они видятся, однако, все чаще. Ко времени «дѣла Бейлиса», такъ взволновавшаго русскую интеллигенцію, Розановъ, не безъ помощи Ф., начинаетъ выступать противъ евреевъ — въ «Земщинѣ». Статьи, которыя отказывалось печатать даже Новое Время — радостно хватались грязной, погромной газеткой.

Были ли эти статьи Розанова «погромными»? Конечно нѣтъ, и конечно да. Не были, потому что Розановъ никогда не переставалъ страстно, тѣлесно, любить евреевъ, а Ф., человѣкъ утонченной духов-

ной культуры и громадныхъ знаній, не могъ стать «погроміцикомъ». И, однако, эти статьи погромными были, фактически, въ данный моментъ: Розановъ, въ Земщинѣ, т. е. среди подлинныхъ погромщиковъ, говорилъ, да еще со свойственнымъ ему блескомъ, что еврей Бейлисъ не могъ не убить мальчика Ющинскаго, что въ религіи еврейства заложено пролитіе невинной крови, — жертва.

А Ф. сказалъ тогда сестрѣ: если бъ я не былъ православнымъ священникомъ, а евреемъ, я бы самъ поступилъ, какъ Бейлисъ, т. е. пролилъ бы кровь Ющинскаго.

Въ это время къ Розанову не только писательскіе круги, но и вообще интеллигенція, — относилась уже довольно враждебно. Повторяю: какая «совмѣстность» человѣческая можетъ терпѣть человѣка-беззаконника, живущаго среди людей и знать не желающаго ихъ неписаныхъ, но твердыхъ уставовъ? Нельзя «двурушничать», т. е. печатать одновременно разное въ двухъ разныхъ мѣстахъ. Нельзя говорить, что плюешь на всякую мораль и не признаешь никакого долга. Нельзя дѣлать «свинства» (по выраженію самого Розанова), напримѣръ — напечатать, въ минуту полемической злости, письмо противника, адресованное къ третьему лицу, чужое, случайно попавшее въ руки. И нельзя, невозможно такъ выворачивать наизнанку себя, своихъ близкихъ и далекихъ, такъ раздѣваться всенародно и

раздѣвать другихъ, какъ Розановъ это дѣлаетъ въ послѣднихъ книгахъ.

— Нельзя? говоритъ Розановъ. Мнѣ — можно.

«На мнѣ и грязь хороша, потому что я — я».

— А вы всѣ — «къ чорту!...»

Онъ правъ, что ему — можно. Но «всѣ», — люди, посылаемые къ чорту, — правы тоже, знать не желая, почему «Розанову можно», и отвѣчая ему такимъ же «къ чорту».

Всенародное самовыворачиваніе Розанова, хотя и оскорбляло многихъ, было еще терпимо: уединенный человѣкъ, говоритъ изъ своего уединенія. Но статьи въ Земщинѣ, такія, въ такой моментъ — дѣлали Розанова «вредительнымъ» общественно (чего онъ, конечно, не понималъ). Отъ него уже надо было — общественно — защищаться.

Такой защитой было между прочимъ и публичное исключеніе его изъ числа членовъ Религ. Философскаго Общества.

Если я останавливаюсь на этомъ инцидентѣ (незначительномъ, въ концѣ концовъ), то лишь для того, чтобы попутно отмѣтить: были и въ то время два-три человѣка, смотрѣвшіе на Розанова съ глубоко правильной точки зрѣнія. Они утверждали его, какъ явленіе исключительной цѣнности, понимали, что ему-то, отъ себя, «все позволено», что онъ живетъ по своимъ законамъ. Ни одинъ изъ этихъ людей никогда лично не разсердился на

Розанова, хотя поводовъ для раздраженія было сколько угодно.

Но эти же люди особенно твердо стояли за необходимость «защиты» отъ Розанова; въ данномъ случаѣ — за необходимость исключенія его изъ членовъ Общества.

Хочу сознаться, увы, что на мой тогдашній взглядъ Розановъ былъ еще слишкомъ «человѣкъ»; и предѣльная безотвѣтственность его, какъ человѣка, мнѣ была нестерпима. Сколько несправедливыхъ словъ было сказано, несправедливыхъ и безцѣльныхъ, — и какъ я о нихъ теперь жалѣю!

5

МЕЛЬКНУЛИ ДНИ...

Послѣ «дѣла Бейлиса», статей въ Земщинѣ и всѣхъ попутныхъ исторій — Розановъ совсѣмъ скрывается, съ нашего, по крайней мѣрѣ, горизонта. А вначалѣ бравировалъ, писалъ въ Новомъ Времени самыя непозволительныя ругательныя статейки противъ «интеллигенціи», приходилъ на каждое Р. Ф. Собраніе, чуть ли не до послѣдняго, на которомъ его торжественно исключили. Кто-то сказалъ, что «гоненіе» на Розанова жестоко; это неправда. Никакой жестокости въ этихъ протестахъ, исключеніяхъ, не было: вѣдь его «наплевать» — слово

очень искреннее. Если и огорчался «скандалами» — то опять, кажется, боясь, не разстроили бы они его больную жену.

А вскорѣ и Бейлисъ, и Розановъ — все было забыто: пришла война.

Что писалъ и дѣлалъ Розановъ во время войны?

Писалъ, конечно, въ Новомъ Времени — неинтересно. Думаю, сидѣлъ тихо у себя; жена все еще болѣла. Одна изъ дочерей его, какъ мы слышали, готовилась поступить въ монастырь (мнѣ неизвѣстна эта драма, — вѣрнѣе трагедія, — въ подробностяхъ. Знаю только, что дочь Розанова, монахиня, покончила самоубійствомъ незадолго до смерти отца).

Можетъ быть, Розановъ, въ военные годы, работалъ и надъ книгой о Египтѣ, — (осталась незаконченной). Онъ готовилъ ее очень давно. Еще во дни нашихъ постоянныхъ встрѣчъ, увидалъ разъ у меня на столѣ большого скарабея (пріятельница англичанка привезла изъ Египта). Пришелъ въ страстный восторгъ.

— Подарите мнѣ! Мнѣ очень нужно. Вамъ на что? А я книгу объ Египтѣ напишу. У меня и всѣ монеты — египетскія. Въ Египтѣ то́ было, чего уже не будетъ: христіанство задушило.

Очень радовался подарку и унесъ, завернувъ въ носовой платокъ.

Въ военные годы, еще до революціи, Розановъ

началъ и свой «Апокалипсисъ». Выпускалъ его періодически; небольшими тетрадями.

Мнѣ помнится тамъ разсказъ — встрѣча Розанова съ войсками на Захарьевской улицѣ. Опять передалъ свое тѣлесное ощущеніе: движется внѣшняя сила, только голая сила; тяжелая, грубая, «мужская»; передъ ней Розановъ, маленькая одиночка, прижавшаяся на тротуарѣ къ дому — чувствуетъ себя воплощенной слабостью, «женщиной»...

Вотъ опять мелькнули годы — мгновенья. Какъ вспыхнувшая зарница — радость революціи. И сейчасъ же тьма, грохотъ, кровь, и — послѣднее молчаніе.

Тогда время остановилось. И мы стали «мертвыми костями, на которыя идетъ снѣгъ».

Наступилъ восемнадцатый годъ.

6

ЛЕДЯНЫЯ ВОДЫ

Сначала еще видались кое съ кѣмъ.

— Не знаете ли, что Розановъ?

— Онъ въ очень тяжеломъ положеніи. Былъ здѣсь, въ Петербургѣ. Потомъ уѣхалъ, съ семьей, — или кто-то увезъ его. Семья живетъ подъ Москвой, въ Троицко-Сергіевскомъ Посадѣ. Сталъ, говорятъ,

странный и больной. Такой нищій, что на вокзалѣ собираетъ окурки...

— Ихъ, вѣроятно, Ф. въ Лаврѣ устроилъ?

— Кажется. Но живутъ очень плохо. Варвара Дмитріевна все больна, — почти не ходитъ... И вы знаете, сынъ ихъ умеръ.

— Какъ? Вася умеръ?

У Розанова было четыре дочери и единственный сынъ, Вася.

— Да, умеръ. Его взяли въ красную армію...

Перебиваю:

— Да вѣдь ему лѣтъ 15—16?

— Ну, набираютъ теперь молодежь, даже четырнадцатилѣтнихъ. Отправили куда-то далеко, къ Польшѣ. Да онъ не доѣхалъ. Заразился въ поѣздѣ сыпнымъ тифомъ и умеръ. Съ тѣхъ поръ и Василій Васильевичъ нездоровъ. Впрочемъ, истощенъ тоже очень. «Апокалипсисъ» его до послѣдняго времени выходилъ. Теперь — не знаю. Думаю, и въ продажѣ его уже нѣтъ. Всѣ, вѣдь, книги запрещены.

Окурки собираетъ... Боленъ... Странный сталъ... Жена почти не встаетъ... И Вася, сынъ, умеръ...

Не удивляло. Ничто, прежде ужасное, не удивляло: т е п е р ь казалось естественнымъ. У всѣхъ, кажется, всѣ умерли; всѣ, кажется, подбираютъ окурки...

Удивляло, что кто-то не арестованъ, кто-то живъ.

6

Мысли и ощущенія тогда сплетались вмѣстѣ. Такое было странное, непередаваемое время. Оно какъ-будто не двигалось: однообразіе, неразличимость дней, — отъ этого скука потрясающая. Кто не видалъ революціи — тотъ не знаетъ настоящей скуки. Тягучее удушье.

И было три главныхъ тѣлесныхъ ощущенія: голода (скорѣе всего привыкаешь), темноты (хуже гораздо) и холода (почти невозможно привыкнуть).

Въ этомъ длительно-однообразномъ тройномъ страданіи — цѣпь вѣстей о смертяхъ, арестахъ и разстрѣлахъ разныхъ людей.

И Меньшикова разстрѣляли.

— За Новое Время. Онъ въ Волочекъ уѣхалъ. Нашли. Очень хорошо, мужественно умеръ. Съ семьей не дали проститься.

— Вотъ какъ.

— Да, говорятъ, и Розанова разстрѣляли. Тоже за Новое Время, очевидно. Это слухъ.

— И Розанова?

— А В. опять въ Чека увезли. Вчера. Напишите Горькому. Вы ему еще не писали. Напишите вы теперь.

— Я?

Мнѣ до-нельзя противно писать Горькому. Но, дѣйствительно, ему всѣ уже писали, всѣ къ нему приставали кромѣ меня. И В. очень жалко. Да и

силы сопротивленія у меня нѣтъ. Конечно, Горькій меня не послушаетъ. Дочь этой самой несчастной и невинной больной В., которую уже пятый разъ волокутъ въ Чека, цѣлую ночь просидѣла у него на лѣстницѣ, ожидая пріема. Не принялъ. Что же я?

Однако, вяло беру бумагу. «Дорогой»... «уважаемый»...? Не поднимается рука. Просто: «Алексѣй Максимовичъ»...

Пишу обыкновенныя, вопіющія вещи. И прибавляю: вы, вотъ, русскій писатель. Одобряете ли вы дѣйствіе дружественнаго вамъ «правительства» большевиковъ по отношенію къ замѣчательнѣйшему русскому писателю — Розанову, если вѣренъ слухъ, что его разстрѣляли? Не можете ли вы, по крайней мѣрѣ, сообщить, вѣренъ ли слухъ? Мнѣ извѣстно лишь, что Розановъ былъ доведенъ въ послѣднее время до крайней степени нищеты. Голодный, къ тому же больной, врядъ ли могъ онъ вредить вашей «власти». Вы когда-то стояли за «культуру». Цѣнность Розанова, какъ писателя, вамъ вѣроятно извѣстна. Думаю, что въ вашихъ интересахъ было бы провѣрить слухъ...

Что-то въ этомъ родѣ; кажется, рѣзче. Не все ли равно? Что терять? Безъ того противно писать Горькому. И безцѣльно.

Къ удивленію вышло не совсѣмъ безцѣльно. Двинулъ ли Горькій пальцемъ насчетъ В. и Чека, не помню; но насчетъ Розанова какъ-будто двинулъ.

То-есть поручилъ кому-то изъ своихъ приспѣшниковъ изслѣдовать слухъ о Розановѣ, и когда ему доложили, что Розановъ не разстрѣлянъ, приказалъ прислать ему немного денегъ.

Мы узнали все это (Горькій, конечно, мнѣ не отвѣтилъ) отъ друга и поклонника Розанова, молодого писателя X., къ намъ пришедшаго. Этотъ X. умудрялся въ то время держать еще фуксомъ книжную лавочку, продавалъ старыя брошюрки, даже новенькія безобидныя выпускалъ, вродѣ сборниковъ, гдѣ печаталъ и послѣдній Розановскій «Апокалипсисъ».

X., оказывается, давно уже пытался сдѣлать что-нибудь для Розанова и былъ въ сношеніяхъ съ Лаврой. Имѣлъ извѣстія, что деньги отъ Горькаго, дѣйствительно, посланы; надѣялся добыть еще и свезти ихъ Розанову самъ: ему написали, что Розановъ уже не «истощенъ» и «нездоровъ», но отчаянно, повидимому смертельно, боленъ.

— Было кровоизліяніе; немного оправился — второе. Лежитъ недвижимо, но въ полномъ сознаніи. Питать его нечѣмъ, лекарствъ никакихъ.

X. принесъ намъ и послѣднія страницы «Апокалипсиса».

Опять весь Розановъ въ нихъ, весь цѣликомъ: его голосъ, его говоръ, и наше время страшное, о которомъ у насъ словъ не было, — у него были. Тьма, голодъ и х о л о д ъ — смерть.

«Это ужасное замерзаніе ночью. Страшныя мысли приходятъ. Есть что-то враждебное въ стихіи «холода» — организму человѣческому, какъ организму «теплокровному». Онъ боится холода и какъ-то душевно боится, а не кожно, не мускульно. Душа его становится грубою, жесткою, какъ «гусиная кожа на холоду»...

Вотъ онъ снова, его страхъ передъ холодомъ. И какъ страшно холодъ настигалъ его. Настигъ, внѣшній, какъ всѣхъ насъ тогда, еще передъ болѣзнью; схватилъ, внутренній, въ болѣзни; и уже не выпустилъ изъ челюстей, пока не сожралъ — въ смерти.

А защищаться было нечѣмъ. «Топлива для организма», ѣды, — не было.

«Впечатлѣнія ѣды теперь главныя. И я замѣтилъ, что, къ позору, всѣ это равно замѣчаютъ. И уже не стыдится бѣдный человѣкъ, и уже не стыдится горькій человѣкъ...»

Онъ писалъ это еще до болѣзни, еще на ногахъ (когда, вѣроятно, окурки на вокзалѣ Ярославскомъ собиралъ). Одинъ изъ выпусковъ «Апокалипсиса», послѣ блестящихъ и глубокихъ страницъ, кончается:

«Усталъ. Не могу. 2—3 горсти муки, 2—3 горсти крупы, пять круто испеченныхъ яицъ — можетъ часто спасти день мой...»

Но день его не былъ спасенъ. Случайная подачка «собрата» Горькаго опоздала.

Скоро, черезъ X. (а, можетъ быть, и нѣтъ) при-

шло къ намъ первое письмо Розанова, уже больного, — написанное рукой дочери, дѣйствительно «выговоренное» (его рука была недвижна).

Первое, потомъ второе, потомъ третье... Какъ я больно жалѣю, что ихъ нѣтъ у меня. Они, конечно, не исчезли совсѣмъ, навсегда. Любящая дочь, вѣрно, сохранила копіи. Кое-что изъ нихъ посылалось и другимъ, я думаю — вотъ о «холодѣ» его предсмертномъ потрясающія слова: они были даже не такъ давно напечатаны въ какой-то заграничной газетѣ. Навѣрно, писалъ онъ Горькому (и навѣрно Горькій письма сохранилъ, вѣдь, е г о собственность всегда была неприкосновенна). «Спасибо Максимушкѣ», ласково и радостно писалъ и намъ Розановъ, этотъ «бѣдный человѣкъ, горькій человѣкъ». Все благодарилъ его за подачку: на картошку какую-то хватило.

Сознавалъ ли, что умираетъ? «Очень мнѣ плохо: склерозъ въ сильнѣйшей степени...» Потомъ вдругъ шутилъ; и говорилъ, что долго еще нужно лежать, шесть мѣсяцевъ, что поправленіе идетъ медленно. И тутъ же объ этомъ страшномъ «ледяномъ озерѣ», куда онъ постепенно опускается, такъ, что ноги — уже тамъ и уже какъ бы не его, и съ ногъ холодная, ледяная вода все подымается выше... Но — какъ передать? — ни въ одной, самой страшной строкѣ, — не было «нытья», и даже почти жалобы не было, а дѣтская развѣ жалостность.

«Никогда мы такъ вкусно не ѣли: картошка жареная, хлѣбца кусочекъ, и такъ хорошо». Но потомъ вдругъ:

«Пирожка бы... Творожка бы...»

О дочеряхъ писалъ; какія онѣ, какъ за нимъ ухаживаютъ: «на руки меня беретъ съ постели, какъ ребенка, и на другую кровать, рядомъ, перекладываетъ, пока ту поправляютъ. Говоритъ, что я легкій сталъ, однѣ кости. Да, вѣдь, и кости вѣсятъ что-нибудь...»

О женѣ — кажется ни разу, ни слова. Онъ и раньше о ней не говорилъ въ письмахъ. Мы, впрочемъ, знали, что она всегда при немъ, тоже полунедвижимая, и что онъ вѣчно думаетъ о кускѣ — для нея.

Эти письма, писанныя дочерью, до такой степени самъ Розановъ, что странно было видѣть чужой почеркъ. Розановъ въ расцвѣтѣ своихъ душевныхъ силъ? Нѣтъ, просто онъ, въ томъ самомъ расцвѣтѣ, въ какомъ былъ всегда, единственный, неоцѣнимый, неизмѣняемый. Одно развѣ: въ предпослѣдніе годы его безчисленныя мыслеощущенія, его «да — нѣтъ», съ главнымъ, поверхъ выплывшимъ ощущеніемъ «холода — смерти» — были уже такъ заострены, что куда же дальше? И однако они еще обострились, отточились; дошли до колющей тонкости, силы и яркости.

Ледяныя воды поднимались къ сердцу.

7

СЛОВА ЛЮБВИ

— Розановъ нашелъ пріютъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ въ тяжелую минуту. Очень хорошъ съ Ф., который его не покидаетъ. Семья такая православная. Да, вотъ онъ и пришелъ къ христіанству.

Такъ стали говорить о немъ. И разсуждали, и доказывали.

— Вѣдь это еще съ тѣхъ поръ началось, его коренная перемѣна, со статей противъ евреевъ. Какой былъ юдофилъ. А вотъ — дружба съ Ф. и, параллельно, отходъ отъ евреевъ; обращеніе къ христіанству, къ православію, переѣздъ въ Лавру...

Это говорили люди, судя Розанова по своему, — во времени. И было, съ ихъ точки зрѣнія, правильно, и было *похоже* на правду.

А что — на самомъ дѣлѣ? Посмотримъ.

> «Услуги еврейскія, какъ гвозди въ руки мои, *ласковость* еврейская, какъ пламя обжигаетъ меня.
>
> «Ибо, пользуясь этими услугами, погибнетъ народъ мой, ибо обвѣянный этой ласковостью задохнется и сгніетъ мой народъ».

Не написано ли это уже во время «поворота», уже подъ вліяніемъ Ф., не въ Лаврѣ ли? О, нѣтъ! до войны, до Ф.; въ самый разгаръ того, что звали

розановскимъ безмѣрнымъ «юдофильствомъ». Въ «Лаврѣ» же, въ послѣдніе мѣсяцы, вотъ что писалось — выговаривалось:

«Евреи — самый утонченный народъ въ Европѣ...» «Все европейское какъ-то необыкновенно грубо, жестко, сравнительно съ еврейскимъ...» «И вездѣ они несутъ благородную и святую идею «грѣха» (я плачу), безъ которой нѣтъ религіи... Они. Они. Они. Они утерли сопли пресловутому человѣчеству и всунули ему въ руки молитвенникъ: на, болванъ, помолись. Дали псалмы. И чудная Дѣва — изъ евреекъ. Что бы мы были, какая дичь въ Европѣ, если бы не евреи». Соціализмъ? Но «вѣдь соціализмъ выражаетъ мысль о «братствѣ народовъ» и «братствѣ людей», и они въ него уперлись...»

Перемѣнился Розановъ? Забылъ свое влюбленное притягиваніе къ евреямъ подъ «вліяніемъ» Ф.? Это — о евреяхъ. Ну а христіанство? Православіе? Кто Розановъ теперь? Что онъ пишетъ т е п е р ь, въ Лаврѣ?

«Ужасъ, о которомъ еще не догадываются, больше, чѣмъ онъ есть: что не грудь человѣческая сгноила христіанство, а что христіанство сгноило грудь человѣческую». «Попробуйте распять Солнце, и вы увидите, который Богъ». «Солнце больше можетъ, чѣмъ Христосъ и больше Христа желаетъ счастья человѣчеству...»

Что же это такое? Что скажемъ?

Ничего. Розановъ вѣренъ себѣ до конца. Онъ вѣренъ и любви своей ко Христу. Тайной, но чѣмъ глубже «долина смертной тѣни», тѣмъ чаще молніи прорывовъ любви. Вотъ одинъ изъ этихъ прорывовъ, за 6 лѣтъ до смерти:

> «...все ветхозавѣтное прошло и насталъ Новый Завѣтъ». «Впервые забрезжило въ умѣ. Если Онъ — Утѣшитель: то какъ хочу я утѣшенія; и тогда Онъ — Богъ мой. Неужели?
>
> Какая-то радость. Но еще не смѣю. Неужели мнѣ не бояться того, чего я съ такимъ смертельнымъ ужасомъ боюсь; неужели думать: встрѣтимся! Воскреснемъ! И вотъ Онъ — Богъ нашъ! И все — объяснится.
>
> Угрюмая душа моя впервые становится на эту точку зрѣнія. О, какъ она угрюма была, моя душа...
>
> Ужасно странно.
>
> Т. е. ужасное было, а странное наступаетъ.
>
> Господи: неужели это Ты. Приходишь въ ночи, когда душа такъ скорбѣла...»

И ничего, совсѣмъ ничего, что потомъ, изъ монастыря, почти на одрѣ смерти, пишетъ: «Христіанство сгноило грудь человѣческую». Онъ тутъ же возвращается:

> «Душа возстанетъ изъ гроба; и переживетъ, каждая душа переживетъ, и грѣшная, и без-

грѣшная, свою невыразимую «пѣснь пѣсней». Будетъ дано каждому человѣку по душѣ этого человѣка и по желанію этого человѣка. Аминь».

Всегда возвращается; всегда — онъ, до конца — онъ, нашими законами не судимый, имъ неподклонный.

Вотъ почему ненужны, узки размышленія наши о томъ, сталъ или не сталъ Розановъ «христіаниномъ» передъ смертью, въ чемъ измѣнился, что отвергъ, что принялъ.

Звонокъ по телефону:

— Розановъ умеръ.

Да, умеръ. Ничего не отвергъ, ничего не принялъ, ничему не измѣнилъ. Ледяныя воды дошли до сердца, и онъ умеръ. Погасло явленіе.

Вотъ почему показалось намъ горькимъ мучительное, длинное письмо дочери, подробно описывающее его кончину, его послѣдніе, уже безмолвные, дни. Кончину «христіанскую», самую «православную», на рукахъ Ф., подъ шапочкой Преподобнаго Сергія.

Что могла шапочка измѣнить, да и зачѣмъ ей было измѣнять Розанова? Онъ — «узелъ, Богомъ связанный», пусть его Богъ и развязываетъ.

Христіанинъ или не христіанинъ, — чтó мы знаемъ? но, вѣрю, и тогда, когда лежалъ онъ со-

всѣмъ безмолвный, безгласный, опять въ умѣ вспыхнули слова любви:

Господи, неужели Ты не велишь бояться смерти?
Неужели умремъ, и ничего?
Господи, неужели это — Ты.

1923.

ОТРЫВОЧНОЕ

О Сологубѣ

1

Люблю я грусть твоихъ просторовъ,
Мой милый край, святая Русь...
. . . .
И всѣ твои пути мнѣ милы.
И пусть грозитъ безумный путь
И тьмой, и холодомъ могилы. —
Я не хочу съ него свернуть.

О Блокѣ можно было написать почти все, что помнилось: онъ умеръ. И о Розановѣ. Да и о Брюсовѣ: онъ хуже, чѣмъ умеръ, онъ — большевицкій цензоръ, сумасшедше-жестокій коммунистъ, пишетъ оды на смерть Ленина и превратился, изъ поэта, въ безпомощнаго рифмоплета... что даже удивительно (или, напротивъ, не удивительно).

Но могу ли я говорить о Сологубѣ?

Онъ въ Россіи.

Я его знаю, люблю неизмѣнно, уважаю неизмѣнно, вотъ уже почти тридцать лѣтъ. Въ послѣдніе

годы, пожалуй, еще болѣе люблю, еще болѣе уважаю.

Но онъ въ Россіи.

Попрежнему я считаю его однимъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ и русскихъ прозаиковъ. Для меня было бы только удовольствіемъ написать еще одну (которую?) статью о его произведеніяхъ.

Но... *онъ въ Россіи.* Объ это «онъ въ Россіи» — разбиваются, какъ о камень, всѣ мои намѣренія. Нельзя писать о его литературѣ, у насъ нѣтъ здѣсь его книгъ (есть ли онѣ тамъ?). Нѣтъ стараго; о новомъ же мы почти и совсѣмъ ничего не знаемъ. Едва настолько, чтобы не сомнѣваться въ непрестанномъ ростѣ его души и таланта.

Онъ въ Россіи, въ Россіи, въ родномъ городѣ святого Петра, — Санктъ-Петербургѣ, — на его глазахъ разрушенномъ до послѣдняго камня, до Ленинграда... и одну ли эту потерю видѣли его глаза? Онъ въ Россіи... и пусть, кто можетъ, пойметъ, почему мои слова о Сологубѣ будутъ сегодня краткими, отрывочными, цѣломудренно-блѣдными. Главное — отрывочными.

Даже хотѣлось бы никакихъ не говорить... но все равно. Не для себя и не для него — для другихъ вызову изъ прошлаго милыя тѣни нашихъ встрѣчъ.

2

Быть съ людьми — какое бремя!
О зачѣмъ же надо съ ними жить,
Отчего нельзя все время
Чары дѣять, тихо ворожить?

«Тѣни» — первый разсказъ Сологуба, напечатанный въ «Сѣв. Вѣстн.». Свѣжій и сейчасъ, какъ тогда. Но ранѣе тамъ было напечатано его стихотвореніе, — кажется, «Ограда». Коротенькое, но такое, что пройти мимо нельзя. Магія какая-то въ каждой вещи Сологуба, даже въ болѣе слабой.

Мы уже знали, что это — скромный учитель, школьный. Петербуржецъ, но служилъ до сихъ поръ въ провинціи. Молодой? Даже не очень молодой. А фамилія его — Тетерниковъ.

Н. Минскій, тогда секретарь «Сѣвернаго Вѣстника» рѣшилъ, что съ такой фамиліей нельзя выступать. Предложилъ ему, наскоро, очевидно по неудачной ассоціаціи (выдумать не успѣлъ) — псевдонимъ «Сологубъ». Только и было его выдумки что одно «л», — вмѣсто двухъ въ имени стараго, весьма средняго, писателя — графа Соллогуба.

Не знаю, какъ понравился псевдонимъ новому поэту, но онъ его принялъ. Минскій очень увлекался и псевдонимомъ, и самимъ поэтомъ. Въ то время (дни декадентства) «Сѣв. Вѣстникъ» шелъ навстрѣчу

«новымъ талантамъ», даже искалъ ихъ (добрая память ему за это).

У меня, при моемъ и тогда неувлекающемся характерѣ, увлеченія Сологубомъ не было; просто онъ мнѣ очень нравился. Даже онъ одинъ изъ всѣхъ и нравился; а не мало ихъ было, новыхъ, изъ которыхъ иные пропали, а многіе имѣютъ нынѣ старыя, заслуженно или незаслуженно, громкія имена.

На Пушкинской улицѣ въ Петербургѣ былъ громадный, пятиэтажный домъ, — гостиница, не первоклассная, но и не такъ, чтобы очень затрапезная. Ее почему-то возлюбили литераторы и живали тамъ, особенно несемейные, по мѣсяцамъ, а то и по годамъ.

Не избѣгъ ея и Минскій. Говорилъ про себя тогда:

Онъ жилъ въ Палэ,
Онъ пѣлъ въ Роялѣ.

Не мало интересныхъ собраній повидали на своемъ вѣку номерки этого Палэ-Рояля, скромные, сѣрымъ штофомъ перегороженные. Тамъ, впослѣдствіи, жилъ Перцовъ, тамъ бывалъ Розановъ, эстеты Міра Искусства...

Тамъ пришлось мнѣ въ первый разъ увидать и Сологуба-Тетерникова.

Это было въ лѣтній, или весенній, солнечный день. Въ комнатѣ Минскаго, на креслѣ у овальнаго, съ обычной бархатной скатертью, стола, сидѣлъ весь

свѣтлый, блѣдно-рыжеватый, человѣкъ. Прямая, не вьющаяся, борода, такіе же блѣдные, падающіе усы, со лба лысина, pince-nez на черномъ шнурочкѣ.

Въ лицѣ, въ глазахъ съ тяжелыми вѣками, во всей мѣшковатой фигурѣ — спокойствіе до неподвижности. Человѣкъ, который никогда, ни при какихъ условіяхъ, не могъ бы «суетиться». Молчаніе къ нему удивительно шло. Когда онъ говорилъ — это было нѣсколько внятныхъ словъ, сказанныхъ голосомъ очень ровнымъ, почти монотоннымъ, безъ тѣни торопливости. Его рѣчь — такая же спокойная непроницаемость, какъ и молчаніе.

Минскій болталъ все время, конечно, Сологубъ слушалъ... а, можетъ быть, и не слушалъ, просто сидѣлъ и естественно, спокойно, молчалъ.

— Какъ же вамъ понравилась наша восходящая звѣзда? присталъ ко мнѣ Минскій, когда Сологубъ, неторопливо простившись, ушелъ. — Можно ли вообразить менѣе «поэтическую» наружность? Лысый, да еще каменный... Подумайте!

— Нечего и думать, — отвѣчаю. — Отличный; никакой ему другой наружности не надо. Онъ сидитъ — будто ворожитъ; или самъ завороженъ.

Въ немъ, правда, былъ колдунъ. Когда мы послѣ подружились, то нерѣдко и въ глаза дразнили его этимъ колдовствомъ.

3

«...Привѣтствую тихія стѣны
Обители бѣдной моей...»

На Васильевскомъ Островѣ, въ одной изъ дальнихъ линій, гдѣ по ночамъ едва тусклятся рѣдкіе фонари, а по веснамъ извозчикъ качается на глыбахъ несколотаго льда — сѣрый деревянный домикъ съ широкимъ мезаниномъ. Городская школа.

Внизу — большія низкія горницы, уставленныя партами. Тамъ вечеромъ темно и еще носится особый школьный запахъ: пыли мѣловой, усыхающихъ чернилъ, сапогъ и мальчишескихъ затылковъ.

А наверху — квартира Сологуба, «казенная». Онъ учитель и директоръ (или что-то вродѣ) этой школы.

Совсѣмъ онѣ особенныя — квартиры въ старыхъ деревянныхъ, съ мезанинами, домахъ. Свой ликъ во всемъ: въ стѣнахъ, въ порогахъ, въ убранствѣ... Какъ милое лицо деревенской дѣвушки исказилось бы подъ парижской шляпкой, такъ и уютъ квартирки исказило бы современство, все равно въ чемъ: въ мебели, въ занавѣсахъ, даже въ самихъ людяхъ, тамъ живущихъ. Исчезла бы гармонія.

Квартира Сологуба воистину была прекрасна, ибо вся гармонична.

Онъ жилъ съ сестрой, пожилой дѣвушкой, тихой, скромной, худенькой. Сразу было видно, что они

очень любятъ другъ друга. Когда собирались гости (Сологуба уже знали тогда) — такъ заботливо приготовляла чай тихая сестра на тоненькомъ квадратномъ столѣ, и салфеточки были такія бѣлыя, блестящія, въ кольцѣ свѣта висячей керосиновой лампы.

Точно и вездѣ все было бѣлое: стѣны, тюль на окнахъ... Но разноцвѣтныя теплились передъ образами, въ каждой комнатѣ, лампадки: въ одной розовая, въ другой изумрудная, въ третьей, въ углу, темнопурпуровый дышалъ огонекъ.

Сестра, тихая, нисколько не дичилась новыхъ людей — литераторовъ. Она умѣла привѣтливо молчать, и привѣтливо и просто говорить.

Я еще какъ-будто вижу ее, тонкую, въ черномъ платьѣ, часто кашляющую: у нея слабое здоровье, и по зимамъ не проходитъ «бронхитъ».

Послѣ чаю иногда уходили въ узкій кабинетикъ Ѳедора Кузьмича (онъ всегда писалъ свое имя съ «ѳиты»). Въ кабинетикѣ много книгъ и не очень свѣтло: одна лампа подъ зеленымъ фарфоровымъ абажуромъ (въ углу лампадка тоже блѣдно-зеленая).

Сестру Сологуба, если память не измѣняетъ мнѣ, звали Ольгой; Ольгой Кузьминишной. Иногда помогала разливать чай ея подруга, такая же тихая, въ такомъ же глухомъ черномъ платьѣ.

Шли годы, Сологубъ становился все извѣстнѣе. Появлялись, одна за другой, его книжки, — первая, тоненькая, стихи; потомъ романъ, ранѣе напечатан-

ный въ «Сѣв. Вѣстникѣ», разсказы... Онъ занялъ въ литературѣ такое *свое* мѣсто и такъ твердо стоялъ на немъ, что не понявшіе его сначала — остались непонимающими и тогда, когда не признавать его уже сдѣлалось нельзя.

Онъ бывалъ всюду, вездѣ непроницаемо-спокойный, скупой на слова; подчасъ зло, безъ улыбки, остроумный. Всегда немножко волшебникъ и колдунъ. Вѣдь и въ романахъ у него, и въ разсказахъ, и въ стихахъ — одна черта отличающая: тѣсное сплетеніе реальнаго, обыденнаго, съ волшебнымъ. Сказка ходитъ въ жизни, сказка обѣдаетъ съ нами за столомъ, и не перестаетъ быть сказкой.

Мечта и дѣйствительность въ вѣчномъ притяженіи и въ вѣчной борьбѣ — вотъ трагедія Сологуба.

...Хочу конца, ищу начала,
Предвижу роковой предѣлъ.
Противорѣчій я хотѣлъ,
Мечта владычицею стала.

Его влечетъ таинственная «звѣзда Маиръ» и — не наша — «земля Ойле»... съ которой онъ вдругъ опять хочетъ возвратиться на родную, свою, нашу. Но на ней Дульцинея не превращается ли слишкомъ часто въ «дебелую Альдонсу»? и Сологубъ, какъ праотецъ Адамъ, которому неожиданно была дана Ева, горько тоскуетъ объ ушедшей, легкой Лилитъ.

Когда Сологубъ выходилъ на эстраду, съ неподвижнымъ лицомъ, въ pince-nez на черномъ шнурочкѣ,

и совершенно безстрастнымъ, каменно-спокойнымъ голосомъ читалъ дѣйствительно волшебные стихи — онъ самъ казался трагическимъ противорѣчіемъ своимъ, сплетеніемъ здѣшняго съ нездѣшнимъ, реальнаго съ небывалымъ. И еще вопросъ: можетъ быть, настоящая-то реальность и есть это таинственное сплетеніе двухъ изначальныхъ линій?

Сологубъ, — скажу кстати — совершенно не могъ слышать своихъ собственныхъ стиховъ, когда ихъ съ эстрады читалъ кто-нибудь другой, «съ выраженіемъ». Я, впрочемъ, тоже; и на одномъ вечерѣ, гдѣ читали все его и мои стихи, мы съ нимъ столкнулись въ дверяхъ, оба стремясь вонъ изъ залы. Но это что! Воображаю, какъ былъ бы доволенъ поэтъ, если бъ слышалъ свои «Чортовы качели», исполнявшіяся разъ въ Минскѣ (подъ поляками, въ 20 году) на шумной студенческой вечеринкѣ! Рыжая молодая любительница, дебелая «Альдонса», вопила истошнымъ голосомъ, мечась по эстрадѣ, а когда зыкнула уже совершенно какъ труба: «качайся, чортъ съ тобой!» — залъ радостно захохоталъ и зааплодировалъ.

Хорошо, что не было Сологуба!

Вспоминается одинъ мой дѣловой визитъ на Островъ, въ свѣтлый, холодный весенній вечеръ.

Братъ и сестра кончали обѣдъ, на томъ же шаткомъ четыреугольномъ столѣ, у окна съ тюлевыми занавѣсями.

Свѣтъ бѣло-зеленый, неумирающій. Виноградная

кисточка въ стеклянной вазѣ. Я зову Сологуба участвовать на благотворительномъ вечерѣ. Въ частной квартирѣ, ибо цѣль его не можетъ быть указана. Одинъ изъ вечеровъ, которые устраивали постоянно русскіе писатели въ пользу политическихъ заключенныхъ (Полит. Кр. Крестъ). Богатые люди, аристократія, генералы, — охотно давали свои квартиры, разсылая билеты-приглашенія «на чашку чая», и эти билеты недурно оплачивались.

Ближайшій вечеръ — въ квартирѣ пожилого генерала, литераторамъ почти не знакомаго (погибъ, помнится, во время революціи).

Объясняю все это Сологубу. Онъ согласенъ, конечно, только затрудняется:

— Что же мнѣ прочитать?

— Ну вотъ, мало ли у васъ стиховъ! Мнѣ куда труднѣе... Знаете что? Давайте, прочтемъ нашу переписку шутливую? Хотите? Вы свое читайте, а я свое... Будетъ забавно.

Мы такъ и рѣшили, и, дѣйствительно, прочли на этомъ вечерѣ нашу краткую переписку въ стихахъ (Сологубъ, конечно, читалъ и другія вещи).

Оба прекрасныя, отвѣтныя, стихотворенія Сологуба вошли потомъ въ его книги; мои не были напечатаны и затерялись. Помню лишь первое, совсѣмъ шутливое, поводомъ къ которому послужили разныя мелкія «колдовства» Сологуба — надъ чьими-то калошами, а, главное, случай съ Вяч. Ивановымъ:

только что пріѣхавшій тогда изъ заграницы поэтъ-европеецъ отправился знакомиться съ Сологубомъ. Да такъ пропалъ, съ утра, что жена тщетно искала его по всему городу. И сидѣла у насъ, въ ужасѣ, когда ей дали знать, что онъ обрѣтенъ, наконецъ, у себя въ постели и въ крапивной лихорадкѣ. Словомъ, смѣшные пустяки; не знаю, почему и запомнилось:

Все колдуетъ, все морочитъ
Лысоглавый нашъ Кузьмичъ.
И чего онъ только хочетъ
Колдовствомъ своимъ достичь?
Невысокая природа
Колдовскихъ его забавъ:
То калоши, то погода,
То Ивановъ Вячеславъ...
Нѣтъ, ужъ ежели ты вѣщій,
Такъ не трогай эти вещи,
Потягайся съ вѣдьмой мудрой,
Силу въ силѣ покажи...
О, Кузьмичъ мой бѣднокудрый,
Ты меня заворожи!

Онъ и принялся меня «завораживать» прекраснымъ стихотвореніемъ о «Кругахъ». Отсюда ужъ пошла у насъ поэтическая геометрія:

...Ты не въ кругѣ, весь ты въ точкѣ,
Я же въ точку не вмѣщусь...
...будешь умирать,
И тогда поймешь и примешь,
Троецвѣтную печать...

О слѣдующемъ стихотвореніи Сологуба помню только, что было оно написано мастерски, въ удивительномъ ритмѣ.

А кто знаетъ здѣсь его строки, такія загадочныя и таинственныя, что даже духовные цензора (въ журналѣ «Новый Путь») долго сомнѣвались, пропускать ли ихъ:

Водой спокойной отражены,
Они безстрастно обнажены
При свѣтѣ тихомъ ночной луны.
Два отрока, двѣ дѣвы творятъ ночной обрядъ...

Эти стихи были спеціально выучены мною наизусть — чтобы дразнить В. В. Розанова. Онъ отъ нихъ въ ярость приходилъ.

Стопами бѣлыхъ ногъ едва колеблютъ струи
И волны, зыбляся у ногъ, звучатъ, какъ поцѣлуи...

— Ерунда, чепуха! сердится Розановъ. Какіе это поцѣлуи?

Огонь, пылавшій въ тѣлѣ, томительно погасъ
Въ торжественномъ предѣлѣ насталъ послѣдній часъ...

— Да вы скажите, сколько ихъ, сколько ихъ? Двое или четверо? «Отраженія въ водѣ видны»... значитъ двое?

Стопами бѣлыхъ ногъ, омытыми отъ пыли,
Таинственный порогъ они переступили...

Этотъ «порогъ» и «предѣлъ» приводили Розанова въ особый ражъ. Непремѣнно желалъ знать, что это

такое. Однако самого Сологуба спросить никогда не рѣшался. Со всѣми интимничающій Розановъ зналъ, что къ Сологубу не очень подъѣдешь: «кирпичъ въ сюртукѣ!»

4

...въ молчаніи
Ты постигнешь законъ бытія.
Все едино въ созданіи,
Гдѣ сознанью возникнуть —
Тамъ Я.

...Я — все во всемъ, и нѣтъ иного
Во мнѣ родникъ живого дня.
Во тьмѣ томленія земного
Я — вѣрный путь. Люби меня.

Костюмированный вечеръ.

Небольшая зала изящно отдѣланнаго особняка въ переулкѣ близъ Невскаго. Розово-рыжія панно на стѣнахъ. Много электричества. Есть забавные костюмы. Смѣхъ, танцы...Въ открытыя двери видѣнъ длинный столъ, сервированный къ ужину. Цвѣты.

Что это за балъ? Большинство безъ масокъ, и какія все знакомыя лица! Хозяйка — маленькая, черноволосая, живая, нервная молодая женщина, съ большими возбужденными глазами. А хозяинъ — Сологубъ.

Онъ теперь похожъ на стараго римлянина: совсѣмъ лысый, гладко выбритый. Въ черномъ сюртукѣ, попрежнему не суетливый и спокойный, любезный съ гостями. Онъ много принимаетъ. Новый литературный Петербургъ, переживъ неудачную революцію, шумитъ и веселится, какъ никогда.

За время моего трехлѣтняго отсутствія многое измѣнилось. Умерла тихая сестра Сологуба: не «бронхитъ» у нея былъ, а чахотка. Очень выросла извѣстность писателя. Какой онъ теперь «городской учитель»! Да и есть ли, существуетъ ли еще сѣренькій домикъ на Островѣ? Можетъ быть — да, можетъ быть, еще пахнетъ внизу пылью и мѣлками, но ужъ наверху-то, навѣрно, не теплятся разноцвѣтныя лампадки...

Сологубъ женился на молодой писательницѣ и переводчицѣ А. Н. Чеботаревской.

Порывистая, впечатлительная, она окружила его атмосферой самаго ревниваго поклоненія. Слава Сологуба возрастала; никто не думалъ ее оспаривать, только любящей женѣ все казалось, что къ нему несправедливы, что у него тамъ или здѣсь — враги.

Самъ Сологубъ остался вѣренъ себѣ. Такъ же онъ замкнутъ въ кольцѣ холодка — «не подступиться». Такъ же, если не больше, спокоенъ, непроницаемъ, зло-остроуменъ. Если-бъ нужно было однимъ словомъ опредѣлить узелъ его существа, первый и главный, то это можно бы сдѣлать даже одной буквой: Я.

Въ самомъ глубокомъ смыслѣ, конечно: въ смыслѣ понятія личности. Не знаю человѣка съ болѣе острымъ, подземнымъ, всестороннимъ ощущеніемъ единства человѣческой личности.

Каждая строка его стиховъ; его лирика, его нѣжность и горечь насмѣшки; его сказка, вплетенная въ обыденность; его лучшіе разсказы (и лучшій изъ лучшихъ, Иринушка, «Помнишь, не забудешь?») — все это о томъ же, о неумирающей памяти, о неумирающей единой любви единаго Я. Весь онъ въ этомъ божественномъ узлѣ... или въ этой одной, воистину божественной, точкѣ.

Да и теперь, въ наши неслыханные дни, не то же ли звучитъ въ его отрывочно долетающихъ къ намъ строкахъ? То же; и только еще новая какая-то нота, мудрая и сильная. Мнѣ вспомнилось недавно Тютчевское «непризнаніе времени», а въ звукахъ — Шиллеровское:

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ отъ міра перешла...

Но лишь вспомнились они, Тютчевъ и Шиллеръ, а сравнивать съ ними Сологуба я не хочу. Пусть будутъ они, и пусть будетъ онъ, единственный: вѣдь въ этомъ все, что каждый — единственный. Только этого-то, какъ разъ, никто и не понимаетъ.

5

Я здѣсь одинъ, жестокъ мой рокъ,
А ты покоишься далече.
Но предуставленъ Богомъ срокъ,
Когда свершиться нашей встрѣчѣ.

Темно. Сѣрыя, промозглыя сумерки. Очень холодно въ нетопленной комнатѣ. Сидимъ за столомъ, у насъ. Сѣрѣется каждый, закутанный. И кажется закутаннымъ въ тряпки. Впрочемъ, такъ оно почти и есть. На Сологубѣ пальто старое пузырится, на Анастасіи Николаевнѣ какая-то сѣрая кофта въ мохрахъ, валенки; а личико у нея — въ кулачокъ, только глаза безпокойно блестятъ.

И мы не лучше. Мережковскій въ женскомъ бархатномъ, вытертомъ, шушунѣ и въ калошахъ на туфляхъ войлочныхъ.

Это Сологубы пришли къ намъ (пѣшкомъ, конечно) съ Вас. Острова, какъ часто приходятъ. На Васильевскій они перебрались давно, еще съ войны (потянуло на «родную сторону», говорилъ Сологубъ). Но едва стукнулъ «красный Октябрь» — ихъ съ квартиры выгнали, забравъ все, и мебель, и книги, и теперь они ютятся на Островѣ же, въ какомъ-то «павильонѣ», гдѣ за ночь наростаетъ ледяная кора на полу.

— Видите, видите, Федоръ Кузьмичъ, — гово-

ритъ съ нервнымъ хохотомъ Анастасія Николаевна, вонъ у нихъ какой хлѣбъ, цѣлый кусокъ...

На столѣ, дѣйствительно, лежитъ цѣлый фунтъ чернаго хлѣба, иглистаго отъ соломы.

— Не завидуйте, Анастасія Николаевна. Не надо завидовать. И у насъ вчера былъ хлѣбъ.

У Сологуба такой же спокойный голосъ, чуть-чуть, развѣ, поглуше.

Мы бесѣдуемъ... ну, какъ бесѣдовали въ то время въ Петербургѣ люди, чуть живые не отъ холода и голода только, а отъ того, что отнята у нихъ, съ пищей и тепломъ, еще свобода самого дыханья.

Чуть живые, а все-таки живые. Говоримъ другъ другу, что есть на землѣ иныя страны. Есть, напримѣръ, Францція. Парижъ. Тамъ улицы, по улицамъ люди ходятъ, т. е. по тротуарамъ, а по серединѣ — ѣздятъ. И ничего. И даже кафэ есть, не запрещены. Анастасія Николаевна вдругъ вспомнила, что долго жила въ Парижѣ. Увѣряетъ, что русскому писателю при всѣхъ обстоятельствахъ хорошо быть наполовину парижаниномъ.

— Вотъ и Федоръ Кузьмичъ такъ думаетъ. Онъ даже по французски сталъ стихи писать...

Но я хочу не французскихъ, а русскихъ стиховъ Сологуба. И онъ начинаетъ читать, медленно, монотонно, твердо, — одно стихотвореніе за другимъ.

Они такія, что я прошу А. Н., въ передней: «перепишите ихъ для меня. Хочу ихъ имѣть. Всѣ».

Вышло много листковъ. Объ одномъ. Было и ужасно — и хорошо перечитывать ихъ. Но я ихъ не помню, ихъ нѣтъ, не надо о нихъ.

Такъ мы видались, надъ коркой хлѣба, въ мертвомъ холодѣ, — не разъ...

Черезъ долгіе, долгіе мѣсяцы послѣ разлуки, весной, — письмо. Въ тотъ самый Парижъ, гдѣ «улицы, и люди ѣздятъ, и ничего». Бездомная воля! Горька ты, а все слаще и достойнѣе такой же бездомной неволи...

Писали намъ оба, и самъ Сологубъ, и она. Писали радостно, что свершилось, наконецъ, что ихъ «выпускаютъ». Дѣло только за «формальностями». Ѣдутъ, конечно, въ Парижъ.

Не пріѣхали. Не выпустили ихъ: обѣщали выпустить. Прошла весна, лѣто прошло, и новая осень наступила.

Этого томленья уже не могла выдержать А. Н. Ни душа ея, ни тонкое, какъ призракъ, тѣло. Глухой осенней ночью она бросилась въ замерзающую, черную воду Невы. Говорили, будто видѣлъ это какой-то прохожій... Но не знали. А нашли ее только послѣ половодья, слѣдующей весной.

И было еще одно письмо Сологуба, — вотъ объ этомъ. Что нашли тѣло и похоронили Анастасію Николаевну.

Больше ничего не было. Больше я ничего не знаю.

Пылавшіе въ огнѣ — сгорѣли,
Сказала мнѣ она.
Тебѣ, въ земномъ твоемъ предѣлѣ,
Я больше не нужна.
Любовью сожжена безмѣрной,
И смертью смерть поправъ,
Я вознеслась стопою вѣрной
На росы райскихъ травъ.
И ты найдешь меня, любимый...

Да, вотъ это я знаю твердо, что онъ ее найдетъ. Знаю потому, что для него нѣтъ мертвыхъ, но всѣ живы.

1924

БЛАГОУХАНІЕ СѢДИНЪ

О многихъ

1

Можно ли писать о тѣхъ, кого встрѣчалъ въ годы ранней юности?

Можно, только очень трудно. Юность занята собою, на окружающихъ смотритъ въ полглаза. Самый неблагодарный, — да и непріятный, — возрастъ 17—20 лѣтъ. Къ жизни еще не привыкъ; къ себѣ самому тоже; ни жизни, ни смерти, ни людей не понимаешь, а между тѣмъ убѣжденъ, что отлично все видишь, понялъ и даже во всемъ слегка разочаровался.

Досадно это юное невниманіе къ внѣшнему, усиленное вниманіе къ себѣ. Но оно естественно, ничего не подѣлаешь. Я буду писать о юныхъ встрѣчахъ, — о знаменитыхъ старикахъ, — просто что замѣтилось и что и какъ запомнилось (соблюдая всегдашнее мое правило — держаться лишь свидѣтель-

ства собственныхъ ушей и глазъ. Свѣдѣнія изъ третьихъ, даже вторыхъ рукъ — опасно сливаются со сплетнями). Если придется кое-гдѣ упоминать о себѣ — прошу меня извинить: это возрастъ. Сѣдовласые друзья мои извиняли не только неблагодарный возрастъ, но и соотвѣтственно неблагодарный видъ мой: видъ и манеры избалованнаго подростка. Журналы уже печатали мои «произведенія», но и это не дѣлало меня солиднѣе.

Старая литература въ то время была на кончикѣ. Достоевскій, Тургеневъ, Алексѣй Толстой умерли; но нѣкоторые, если не столь знаменитые, — все же извѣстные, — «высоко держали знамя» русской литературы: были живы Полонскій, Майковъ, Плещеевъ, Григоровичъ, Вейнбергъ... не говоря о другихъ, нынѣ забытыхъ.

Былъ, наконецъ, живъ Левъ Толстой (его, впрочемъ, мнѣ пришлось увидѣть много позже).

Признаться, меня въ первое время удивляло, что и эти «еще живы». Удивляло не ра́зумно, конечно, а въ ощущеніи: если въ хрестоматіи учишь стихи Пушкина, Полонскаго и Плещеева, если съ одиннадцати до шестнадцати лѣтъ одинаково читаешь Гоголя, Толстого, Григоровича и Достоевскаго — начинаетъ казаться, что всѣхъ ихъ, безъ изъятія, давно нѣтъ, какъ людей — есть ихъ книги. Это, впрочемъ, странное чувство, его трудно передать, а юности оно свойственно.

Первымъ знакомцемъ моимъ былъ Плещеевъ. Съ него у меня и началось влеченіе къ благоуханнымъ сѣдинамъ». «Благоуханье сѣдинъ» — не теперешнее, а именно тогдашнее мое выраженье.

А. Н. Плещеевъ завѣдывалъ стихотворнымъ отдѣломъ «Сѣвернаго Вѣстника» (самая первая редакція: Анна Михайловна Евреинова съ мопсомъ, изданіе Сабашниковой).

Мы пригласили Плещеева обѣдать и рѣшили постараться: знали, что онъ любитъ покушать.

Пріѣхалъ онъ съ очень тонкой любезностью: привезъ мнѣ на прочтеніе редакціонные стихи. Я, не безъ гордой радости, соглашаюсь ему «помочь».

— Это вотъ, говоритъ Плещеевъ, — настоящіе поэты. Льдовъ, — молодой, но ужъ печатался. Аполлонъ Коринфскій... А это — не знаю, всякіе, въ редакцію присланы...

Мнѣ, однако, и Льдовскіе не очень нравятся: врожденное, вѣрно, чувство къ стихамъ. Я, вѣдь, и самого Плещеева считаю «дѣтскимъ» поэтомъ и уже отлично понимаю, чѣмъ Пушкинскій «Пророкъ» лучше Лермонтовскаго...

Стараюсь убѣдить себя, что къ «живымъ» поэтамъ надо быть снисходительнѣе (хотя почему?), но Льдовскіе, вотъ эти, все не нравятся:

...И грезятъ ландышей склоненные бокалы
О тайнахъ бытія...

Мережковскій кричитъ, что Льдовъ настоящій поэтъ, что у него есть «дивные» стихи:

Какъ пламя дальняго кадила
Закатъ горѣлъ и догоралъ.
Ты равнодушно уходила,
Я пламенѣлъ — я умиралъ...

Плещеевъ склоняется и къ «бокаламъ», я скромно не противорѣчу. За то изъ вороха несчастныхъ «неизвѣстныхъ» извлекаю немедля презабавныя строки, — описаніе весны:

Лѣсъ листвою одѣётся,
Зеленѣютъ деревья,
И въ кустахъ ужъ раздается
Громкій голосъ соловья...

Плещеевъ мнѣ очень нравится. Онъ — большой, нѣсколько грузный старикъ, съ гладкими, довольно густыми волосами, желто-бѣлыми (просѣдь блондина), и великолѣпной, совсѣмъ бѣлой, бородой, которая нѣжно стелется по жилету. Правильныя, слегка расплывшіяся, черты; породистый носъ и какъ-будто суровыя брови... но въ голубоватыхъ глазахъ — такая русская мягкость, особая, русская, до разсыпанности, доброта и дѣтскость, что и брови кажутся суровыми — «нарочно».

Нравилось мнѣ въ Плещеевѣ и его добродушное эпикурейство. Когда-то онъ имѣлъ состояніе, но по-

койный Щедринъ говорилъ, что онъ его «въ Москвѣ на сладкихъ пирожкахъ проѣлъ». И на хлѣбосольствѣ, вѣроятно. Теперь, въ Петербургѣ, онъ жилъ стѣсненно, почти въ нуждѣ. Получалъ изъ «Сѣв. Вѣстника» грошовое жалованье...

Противъ собора Спаса Преображенія — у Плещеевыхъ скромная квартира въ партерѣ, съ очень низкими потолками. Случались тамъ «вечеринки» (не часто). И когда набьется куча всякаго народу, старыхъ, молодыхъ, знаменитыхъ и неизвѣстныхъ, — душно. Молодежь пѣла хоромъ, потомъ затѣвались танцы. Старикъ Плещеевъ такъ бодро и благостно глядѣлъ на танцующихъ, что, вотъ, кажется, самъ сейчасъ пойдетъ вальсировать.

Мы бывали въ семьѣ Плещеева и запросто. Сына его тогда не помню, а лишь вторую жену, Катерину Михайловну, ея дочь, молоденькую Любочку, и дочь Плещеева отъ перваго брака, Леночку, представительную, красивую блондинку съ изящными руками.

Къ намъ Плещеевъ любилъ приходить одинъ, обѣдать или такъ. Мы болтали о стихахъ и о чемъ придется. Ему нравилась моя живость и юность: увѣрялъ, что юность его вообще «расшевеливаетъ».

О стихахъ мы, однако, говорили больше о редакціонныхъ, и если о литературѣ — то скорѣе о современныхъ литературныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ. Разъ, впрочемъ, Плещеевъ разсказывалъ о Некрасовѣ: какъ Некрасовъ, поздно ночью, читалъ ему

у себя, вслухъ, только что написанную поэму «Рыцарь на часъ». И читалъ такъ, что когда дошелъ до извѣстныхъ строкъ обращенья къ матери:

...Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви, —

то и Плещеевъ, и самъ Некрасовъ (кажется, былъ и еще кто-то) — плакали, Плещеевъ даже рыдалъ, уронивъ голову на столъ.

Плещеевъ разсказывалъ объ этомъ очень просто, но когда разсказывалъ — было понятно, что и нельзя иначе, и что самъ въ ту минуту, вѣрно, такъ же бы плакалъ.

Никогда Плещеевъ не говорилъ ни о Полонскомъ, ни о Майковѣ. И вотъ, я, приглядываясь къ петербургской жизни, дѣлаю открытіе: существуетъ какая-то черта, раздѣляющая литературныхъ людей, литературныхъ стариковъ, да и всѣхъ вообще, пожалуй. Есть оказывается, «либералы», какъ Плещеевъ, Вейнбергъ, Семевскій, и затѣмъ другіе, не либералы, или менѣе либералы. Самымъ худшимъ считался, еще незнакомый мнѣ, старикъ Суворинъ, редакторъ «Новаго Времени». Газету всѣ читаютъ, а писать въ ней «нельзя».

Но какъ, все-таки, удивляло меня вначалѣ: вотъ два поэта, ихъ мы и называть привыкли вмѣстѣ, и въ хрестоматіяхъ они рядомъ, и оба «живы» оказались, и въ одномъ городѣ живутъ: Плещеевъ и По-

лонскій. А никогда не видятся, другъ у друга не бываютъ... Лишь понемногу начинаю я разбираться. Полонскій? Да, и онъ старый русскій поэтъ, и въ тѣхъ же хрестоматіяхъ напечатанъ, и такъ же не богатъ, какъ Плещеевъ, и даже въ квартирѣ, чуть получше Плещеевской, почти такіе же низкіе потолки, — только и разницы, что она на самой вышкѣ, на пятомъ этажѣ, а Плещеевская совсѣмъ на тротуарѣ. И у Полонскаго въ семьѣ молодежь, — юная дочь, сыновья-студенты... Но Полонскій — *цензоръ*. Теперь ли цензоръ, или былъ во время оно — не знаю, однако уже понимаю смутно: Плещеева, съ его прекрасной, почтенной бородой и стихотвореніемъ «Впередъ, безъ страха и сомнѣнья!» — должна раздѣлять нѣкая бездна съ цензоромъ, который «запрещаетъ». У П. И. Вейнберга тоже великолѣпная борода (въ другомъ стилѣ) и свое, соотвѣтственное, стихотвореніе, «Море» —

Безконечной пеленою
Развернулось предо мною...

и Вейнбергъ тоже не бываетъ на пятницахъ Полонскаго-цензора...

Таковы мои первыя, формальныя, наблюденія. Детали отъ меня еще ускользаютъ: почему мы, — я, Мережковскій и другіе молодые литераторы и даже нѣкоторые не совсѣмъ молодые, — можемъ бывать и у Плещеева, и у Полонскаго...

и ничего? Почему у Суворина, къ примѣру, и мы бывать не можемъ, хотя онъ не цензоръ?

Но эти детали не очень безпокоятъ меня; я съ удовольствіемъ, пока что, иду и къ Полонскому.

2

«Пятницы» Полонскаго — совсѣмъ другое, нежели вечеринки Плещеева. Разницу я еще не могу опредѣлить, ибо это оттѣнокъ, но я ее чувствую.

Большая зала съ окнами на двѣ улицы, Знаменскую и Бассейную (вышка Полонскаго — угловая). Во всю длину залы — накрытый чайный столъ (часто, бывало, думаю: и откуда такая длинная скатерть?).

За столомъ — гости.

Сухонькая, улыбающаяся хозяйка (вторая жена Полонскаго, Жозефина А.). У оконъ гдѣ-то рояль, а въ самомъ углу, надъ растеніями, громадная бѣлая статуя... Амура, кажется. Ее отовсюду видно, въ залѣ только она да этотъ чайный столъ.

Гостей всегда много, но не тѣсно, ибо гости мѣняются: когда приходятъ новые, — встаютъ и уходятъ тѣ, кто чай кончилъ.

Уходятъ, черезъ маленькую гостиную, въ кабинетъ хозяина, который въ залѣ никогда не присутствуетъ. Онъ сидитъ въ этой, довольно узкой, комна-

тѣ, неизмѣнно на своемъ мѣстѣ, въ креслѣ за письменнымъ столомъ.

Вижу этотъ столъ и за нимъ, лицомъ къ двери, большого угловатаго старика — Якова Петровича. Кресло не очень низкое. Полонскій сидитъ бодро, сутулясь чуть-чуть. Рядомъ — его костыли.

У него нѣтъ бѣлоснѣжной бороды Плещеева. Борода не короткая — но и не длинная, и весь онъ скорѣе сѣрый, чѣмъ бѣлый; весь въ просѣди. Глаза ужасно живые и прегромкій голосъ. То кричитъ весело, то трубитъ сердито или торжественно. Иногда стучитъ костылемъ.

Отъ приходящихъ въ кабинетъ гостей его отдѣляетъ письменный столъ, и гости сидятъ прямо передъ Полонскимъ, на стульяхъ или на диванѣ у стѣны. Онъ и говоритъ со всѣми вмѣстѣ, точно всегда немножко съ эстрады. Впрочемъ, бываетъ, что кто-нибудь садится на стулъ сбоку, поговорить поближе.

Ко мнѣ Полонскій проявилъ сразу большое благоволенье. Часто усаживалъ около себя.

Гости въ кабинетѣ подбирались все солидные, вѣроятно извѣстные (не мнѣ, въ то время). Молодежь, — дѣти Полонскаго со своими гостями, студентами и барышнями, хохотала въ смежной комнатѣ, куда была открыта дверь.

Признаюсь: вначалѣ эта смежная комната возбуждала во мнѣ грустную зависть. Ужасно хотѣ-

лось туда, къ нимъ, гдѣ было такъ весело. Хотѣлось, — и увы, было невозможно. Что жъ такое, что мнѣ лѣтъ меньше, чѣмъ многимъ изъ нихъ; они — петербургская «молодежь», и у нихъ свои дѣла. Я — другое, я ужъ литераторъ, я печатаюсь. Мнѣ надо сидѣть въ кабинетѣ и слушать, что говорятъ литераторы.

Безвыходность положенія смирила меня. Что жъ, постараемся и здѣсь не скучать. Если бы дверь они, однако, затворяли!

Полонскій охотно говоритъ о себѣ, о своихъ стихахъ. Разсказываетъ, какія именно слова онъ создалъ, первый ввелъ въ литературу. Если Достоевскій бросилъ слово «стушеваться», то онъ, Полонскій, создалъ «непроглядную» ночь. Меня, по правдѣ сказать, эти «новыя» слова не плѣняли, уже казались банальностями. Удивило только открытіе, что слово «предметъ» не существовало до Карамзина: онъ оказался его творцомъ.

Полонскій, когда его просили, съ удовольствіемъ читалъ стихи, и это бывало нерѣдко.

Читалъ онъ любопытно, совсѣмъ по-своему. Такъ же, вѣроятно, какъ читалъ и не на этой домашней «эстрадѣ», за письменнымъ столомъ, а на настоящей, гдѣ мнѣ слышать его не пришлось.

Читалъ густо, тромбонно, съ непередаваемой, устрашающей, завойкой. Его чтеніе у меня въ ушахъ, я могу его приблизительно «передразнить», но опи-

сать не могу. Плещеевъ и Вейнбергъ читали съ тѣмъ условнымъ паѳосомъ, котораго требовалъ тогдашній студентъ. Чтеніе Полонскаго было другое. Сначала дѣлалось смѣшно, а потомъ нравилось.

Есть фо-орма, — но она пуста!
Краси-иво, — но не красота!

Эти строчки, сами по себѣ недурныя, значительныя во всякомъ случаѣ, производили большое впечатлѣніе въ густомъ рыканіи Полонскаго.

Такъ же декламировалъ онъ и свое единственное, считавшееся «либеральнымъ», стихотвореніе:

Что мнѣ она? Не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь.
Такъ почему жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?..

Не знаю, какъ случилось, что другое его, воистину прекрасное, стихотвореніе не пользовалось популярностью; и самъ Полонскій не читалъ его (при мнѣ), и съ эстрады его, кажется, рѣдко читали другіе. Легко представляю себѣ, какъ громовержно продекламировалъ бы его Яковъ Петровичъ:

Писатель, если только онъ
Волна, а океанъ — Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена — стихія.

Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена — свобода!

Но «студентъ» требовалъ, чтобы его звали «Впередъ, безъ страха и сомнѣнья», довѣрялъ только бѣлымъ бородамъ, а какіе стихи, хорошіе или плохіе, — ему было въ высокой степени наплевать.

Кого только не приходилось видѣть на пятницахъ Полонскаго! Писатели, артисты, музыканты... Тутъ и гипнотизеръ Фельдманъ, и нововременскій предсказатель погоды Кайгородовъ, и разсказчикъ Горбуновъ, и семья Достоевскаго, и Антонъ Рубинштейнъ... На ежегодномъ же вечерѣ-монстрѣ, въ концѣ декабря, въ день рожденія Полонскаго, бывало столько любопытнаго народа, что, казалось «весь Петербургъ» выворотилъ свои завѣтныя нѣдра.

Хозяинъ сидѣлъ тамъ же, на томъ же мѣстѣ, за письменнымъ столомъ, и торжественно принималъ поздравленія. Впрочемъ, однажды, въ этотъ день, онъ продвинулся на своихъ костыляхъ въ залу; ненадолго, лишь пока Антонъ Рубинштейнъ, оторванный отъ игры въ карты и набросившійся на клавиши, съ такимъ озлобленіемъ и съ такой силой терзалъ рояль, точно это былъ его личный врагъ.

Всѣ комнаты отворены и всѣ полны народу. Никакихъ танцевъ (и карточный столъ всего одинъ,

спеціально для Рубинштейна: по пятницамъ же карты никому не разрѣшались). Гости все солидные, съ сановными лицами и даже со звѣздами... Жена гр. Алексѣя Толстого, изящно-некрасивая, подъ черным покрываломъ, какъ вдовствующая императрица, улыбается тѣмъ, кого ей представляютъ... Мнѣ подумалось: а вѣдь это ей написано:

Средь шумнаго бала, случайно,
Въ тревогѣ мірской суеты,
Тебя я увидѣлъ, но тайна
Твои покрывала черты...

Всѣ ли знаютъ, что балъ этотъ — маскарадъ, «тайна» — просто маска, и покрывала она рѣдко-некрасивыя черты лица?

Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мнѣ, что люблю...

Какая магія въ этомъ стихотвореніи! И какое волшебство — душа человѣческая! Не видѣлъ лица — и лишь «казалось», что любитъ. Увидалъ, — такое некрасивое (въ молодости она была еще некрасивѣе) — и вотъ, — уже навѣрно знаетъ, что любитъ...

Среди толпы, то въ той, то въ этой комнатѣ, прохаживался, особнякомъ, какой-то странноватый человѣкъ. Мы съ нимъ все поглядывали другъ на друга, я на него, онъ на меня. Не очень высокій, худощавый, походка неторопливая, зацѣпляющая

каблуками полъ. Блѣдный... старикъ? нѣтъ, неизвѣстнаго возраста человѣкъ-существо, съ жилистой птичьей шеей и — главное (это то меня и поразило) — съ особенно блѣдными, прозрачными-восковыми, большими ушами. Въ этихъ ушахъ было даже что-то жуткое.

Все ходитъ ушанъ, все посматриваетъ. Ни съ кѣмъ не говоритъ. Нѣтъ, вотъ остановился, разговариваетъ съ дочерью Достоевскаго... Опять пошелъ. И возвращается. Ахъ, теперь они о чемъ-то разговариваютъ съ Минскимъ. Надо спросить Минскаго.

Но Минскій затерялся въ толпѣ и нашелся только черезъ долгое время, когда ушанъ совсѣмъ исчезъ.

— Скажите, пожалуйста, кто это былъ... съ ушами? Подошелъ къ вамъ недавно, у окна?

— Какъ, вы не знаете? А онъ меня о васъ спрашивалъ. Да это Побѣдоносцевъ!

3

Я вернусь къ Полонскому, ибо помню еще одну черту въ немъ, не лишенную интереса, но сейчасъ мнѣ хочется дорисовать милый обликъ все-таки перваго изъ моихъ старыхъ друзей — Плещеева.

Мы часто видѣлись, а если не видѣлись — то писали другъ другу записочки и даже цѣлыя письма. Когда же лѣтомъ разъѣхались — онъ на дачу, на

станцію Преображенскую, мы — подъ Москву, переписка наша стала необыкновенно оживленной. Я какъ-будто вижу его меленькій-меленькій черный почеркъ, на небольшихъ почтовыхъ листикахъ, по линейкамъ. О чемъ только не писалъ онъ мнѣ! И о стихахъ, и о жизни, и о людяхъ, и о дачѣ... Но тонъ былъ всегда прелестный: никогда — какъ старшій пишетъ младшему; дѣтская и нѣжная шутливость, ну совсѣмъ точно не лежало между нами четыре десятка лѣтъ.

Писалъ о журнальныхъ дѣлахъ... И вдругъ, однажды, такое письмо: «... скажите Дм. С-чу (Мережковскому), чтобы онъ не спѣшилъ искать издателя для своихъ двухъ книгъ, и къ Суворину подождалъ бы обращаться: я, можетъ быть, самъ ихъ издамъ. Вы удивитесь, спросите, откуда у меня деньги? Дѣло въ томъ, что случилась неожиданность: я, кажется, скоро буду богатъ, и очень богатъ...».

Дѣйствительно, неожиданность: на голову Плещеева свалилось громадное наслѣдство. Боюсь напутать, но, кажется, отъ какой-то дальней родственницы, на которую онъ и разсчитывать почти не могъ. Наслѣдство спорное; однако послѣ хлопотъ его утвердили, и Плещеевъ очень быстро, со всей семьей, уѣхалъ въ Парижъ.

Въ тотъ годъ, къ веснѣ, и мы съ Мережковскимъ рѣшили съѣздить недѣль на шесть заграницу — въ Италію.

Это было мое первое заграничное путешествіе. По Россіи-то пришлось покататься — «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды», — но Европа... вѣдь Европа совсѣмъ другое!

И она захватила меня съ самой Вѣны. Венеція, первый итальянскій городъ, такъ навсегда и осталась въ воспоминаніи «самымъ первымъ городомъ на свѣтѣ».

Мы жили тамъ уже двѣ недѣли, когда разъ Мережковскій, увидѣвъ въ цвѣтномъ сумракѣ св. Марка сутулую спину высокаго старика въ коричневой крылаткѣ, сказалъ:

— А вѣдь это Суворинъ! Другой, что съ нимъ — Чеховъ. Когда они выйдутъ на площадь, я поздороваюсь съ Чеховымъ. Онъ насъ познакомитъ съ Суворинымъ. Буренину я бы не подалъ руки, а Суворинъ, хоть и того же поля ягода, но на вкусъ иная. Любопытный человѣкъ, во всякомъ случаѣ.

Чехова мы оба считали самымъ талантливымъ изъ молодыхъ беллетристовъ. Мережковскій даже недавно написалъ о немъ статью въ Сѣв. Вѣстникѣ. И однако меня Чеховъ мало интересовалъ: дѣтское убѣжденіе, во-первыхъ, что все равно никто изъ теперешнихъ не сравнится съ Гоголемъ, Толстымъ и Достоевскимъ, а, во-вторыхъ, и безотносительно писанья Чехова казались мнѣ какими-то жидкими. Ну, а познакомиться со «страшнымъ» Суворинымъ — хотѣлось: и привычка къ старикамъ, да и любопытно.

Я отступаю отъ моей темы, касаясь Суворина: вѣдь его сѣдины — совсѣмъ не «благоухали!» Позволяю себѣ такое отступленіе ради интереса, который имѣетъ его характерная для Россіи личность.

Но ранѣе я, кажется, дерзну на еще большую вольность: скажу нѣсколько словъ о Чеховѣ. А у него не только не было «сѣдинъ», но даже чувствовалось, что никогда никакихъ и не будетъ. Не оттого, что приходила мысль о его ранней смерти. Но оттого, что Чеховъ, — мнѣ, по крайней мѣрѣ, — казался природно *безъ лѣтъ*.

Мы часто встрѣчались съ нимъ въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ годовъ; и при каждой встрѣчѣ — онъ былъ тотъ же, не старше и не моложе чѣмъ тогда, въ Венеціи. Впечатлѣніе упорное, яркое; оно потомъ очень помогло мнѣ разобраться въ Чеховѣ какъ человѣкѣ и художникѣ. Въ немъ много чертъ любопытныхъ, исключительно своеобразныхъ. Но онѣ такъ тонки, такъ незамѣтно уходятъ въ глубину его существа, что схватить и понять ихъ нѣтъ возможности, если не понять основы его существа.

А эта основа — *статичность*.

Въ Чеховѣ былъ геній неподвижности. Не мертваго окостенѣнія: нѣтъ, онъ былъ живой человѣкъ, и даже рѣдко одаренный. Только всѣ дары ему были отпущены сразу. И одинъ (если и это даръ) былъ даръ — *не двигаться во времени*.

Всякая личность (въ философскомъ понятіи) —

ограниченность. Но у личности въ движеніи — границы волнующіяся, зыбкія, упругія и растяжимыя. У Чехова онѣ тверды, разъ навсегда опредѣлены. Что внутри есть — то есть; чего нѣтъ — того и не будетъ. Ко всякому движенію онъ относится какъ къ чему-то внѣшнему и лишь какъ внѣшнее его понимаетъ. Для иного пониманія надо имѣть движеніе внутри. Да и все внѣшнее надо умѣть впускать въ свой кругъ и связывать съ внутреннимъ въ узлы. Чеховъ не зналъ узловъ. И былъ такой, какимъ былъ — сразу. Не возрастая — естественно былъ онъ чуждъ и «возрасту». Родился сорокалѣтнимъ — и умеръ сорокалѣтнимъ, какъ бы въ собственномъ зенитѣ.

«Нормальный человѣкъ и нормальный прекрасный писатель своего момента», сказалъ про него однажды С. Андреевскій. Да, именно — момента. Времени у Чехова нѣтъ, а моментъ очень есть. Слово же «нормальный» — точно для Чехова придумано. У него и наружность «нормальная», по немъ, по моменту. Нормальный провинціальный докторъ, съ нормальной степенью образованія и культурности, онъ соотвѣтственно жилъ, соотвѣтственно любилъ, соотвѣтственно прекрасному дару своему — писалъ. Имѣлъ тонкую наблюдательность въ своемъ предѣлѣ — и грубоватыя манеры, что тоже было нормально.

Даже болѣзнь его была какая-то «нормальная», и никто себѣ не представитъ, чтобы Чеховъ, какъ

Достоевскій или князь Мышкинъ, повалился передъ невѣстой въ припадкѣ «священной» эпилепсіи, опрокинувъ дорогую вазу. Или — какъ Гоголь постился бы десять дней, сжегъ Чайку, Вишневый садъ, Трехъ Сестеръ, и лишь потомъ — умеръ. Иногда Чеховъ дѣлалъ попытки (довольно равнодушныя) написать что-нибудь выходящее изъ рамокъ нормальнаго раціонализма. Касался «безумія» (не безуміе ли Гоголь, не безуміе ли черти Достоевскаго и даже старецъ Зосима, да и Толстой не безумецъ ли со своимъ «Хозяиномъ»?), но у Чехова въ такихъ вещахъ выходило самое нормальное сумасшествіе, описанное тонко, наблюдательно, даже нѣжно, и — по-докторски извнѣ. Или же получалась — это геніально сказалъ про «Чернаго монаха» одинъ мой другъ — просто «мрачная олеографія».

Такъ же *извнѣ* смотрѣлъ Чеховъ и на женщину, — вѣдь онъ мужчина! и въ немъ самомъ ни одной черты женской! Онъ наблюдаетъ ее, изслѣдуетъ ее; нормально ухаживаетъ, если она ему нравится, нормально женится. Очень показательны въ этомъ смыслѣ его письма (недавно выпущенныя) къ невѣстѣ и женѣ. Какъ все въ нихъ «соотвѣственно», все на своихъ мѣстахъ, и какъ «нормально»!

Чеховъ, уже по одной цѣльности своей, — человѣкъ замѣчательный. Онъ, конечно, близокъ и нуженъ душамъ, тяготѣющимъ къ «нормѣ» и къ статикѣ, но безсловеснымъ. Онъ ихъ выразитель «въ

искусствѣ». Впрочемъ — не знаю, гдѣ теперь эти души: жизнь, движеніе, событія все перевернули, и Богъ знаетъ, что сдѣлали съ понятіемъ «нормы». Вѣдь и норма — линія передвижная; Чеховъ былъ «нормальный человѣкъ и писатель *момента*», т. е. и нормы, взятой въ статикѣ.

Отступленіе мое, однако, затянулось. Давно пора вернуться въ Венецію.

«Страшный» Суворинъ (онъ даже у «цензора» Полонскаго не бывалъ!) мнѣ понравился. Какой живой старикъ! Точно ртутью налитъ. Флегматичный Чеховъ двигался около него, какъ осенняя муха. Это Суворинъ «вытащилъ» его заграницу и явно «шапронировалъ», показывалъ ему Европу, Италію. Слегка тыкалъ носомъ и въ Марка, и въ голубей, и въ какія-то «произведенія искусства». Ироничный и умный Чеховъ подчеркивалъ свое равнодушіе, нарочно «ничему не удивлялся», чтобы позлить патрона. Съ добродушіемъ, впрочемъ: онъ прекрасно относился къ Суворину.

Но было въ Чеховѣ немножко и настоящаго безразличія къ «чудесамъ Европы». У него уже имѣлся на нихъ свой, чеховскій, взглядъ. Суворинъ, смѣясь, съ досадой, жаловался:

— Вотъ, все просится скорѣе въ Римъ. Авось, говоритъ, тамъ можно гдѣ-нибудь хоть на травкѣ полежать!

Послѣдніе дни въ Венеціи мы провели почти

вмѣстѣ. Всякій вечеръ гуляли по городу, потомъ шли пить «фалерно» въ роскошный длинный салонъ суворинскихъ аппартаментовъ, въ лучшей гостиницѣ на Каналѣ. Салонъ этотъ былъ увѣшанъ венеціанскими, безрамными, зеркалами и люстрами со сверканьемъ стеклянныхъ подвѣсокъ. Золотое фалерно тоже сверкало. И всѣ были веселы. Веселѣе всѣхъ — Суворинъ. Болталъ безъ умолку, даже на мѣстѣ усидѣть не могъ, все вскакивалъ. Каждую минуту мы съ нимъ затѣвали споръ. Спорилъ горячо, убѣждалъ, доказывалъ, отстаивалъ свое мнѣніе и... вдругъ останавливался. Пожималъ плечами. Совсѣмъ другимъ тономъ прибавлялъ:

— А чортъ его знаетъ! Можетъ, оно все и не такъ.

Меня эти его переверты, къ собственному мнѣнію презрительные, тогда просто забавляли. Лишь вдолгѣ (мои личныя отношенія съ Суворинымъ Венеціей не кончились; встрѣчались мы, положимъ, рѣдко, случайно, но временами начинали переписку, довольно рѣзкую) — лишь очень вдолгѣ сталъ мнѣ понятенъ глубокій душевный *нигилизмъ* этого примѣчательнаго русскаго человѣка. Талантливый, съ хитрецой умный, онъ всего себя, чортъ знаетъ почему, даже безъ удовольствія, душевно выпустилъ въ трубу. По русски.

Очень русское было у него и лицо. Какъ у Плещеева, какъ у Полонскаго. Но Плещеевъ, хоть и звалъ «впередъ, безъ страха и сомнѣнья», былъ на-

стоящій русскій баринъ, родовитый, мягкотѣлый, съ широкой повадкой, съ лѣнцой. Въ чертахъ Полонскаго — меньше добродушія; мелькало что-то, чуть-чуть, отъ петербургскаго чиновника. Настоящимъ чиновникомъ, изъ важныхъ, смотрѣлъ красивый, сухонькій, подобранный Майковъ съ пронзительно-умными глазами. Должно быть, Тургеневъ имѣлъ барственно-помѣщичій видъ: его не сохранилъ, или не достигъ слишкомъ живой и мелочный Григоровичъ, когда (въ тѣ годы) устроилъ свою прическу и бородку «совсѣмъ подъ Тургенева».

А у Суворина было — тоже русское, но русское *мужицкое* лицо. Не то, что грубое, и сказать, что въ Суворинѣ оставалась мужиковатость — никакъ нельзя. Но неуловимая хитринка сидѣла въ немъ; и черты, и весь обликъ его — именно обликъ умнаго и упрямаго русскаго мужика. Сѣдоватая борода не коротко подстрижена; глаза, изъ подъ густыхъ бровей, глядятъ весело и лукаво; зачесанные назадъ волосы (прежде, вѣрно, русые) еще не порѣдѣли, только newзализы на лбу. Оттого что высокъ — сутулится, голова немного уходитъ въ плечи.

Моя живость, очевидно, нравилась ему, какъ Плещееву; но чужая молодость, чтобы самому молодѣть около нея, была ему не нужна: имѣлся, какъ-будто, достаточный запасъ собственной.

Вечера наши кончались тѣмъ, что Суворинъ и Чеховъ шли насъ провожать въ нашу скромную гости-

ницу. Я — впереди съ Суворинымъ, за нами Чеховъ и Мережковскій. Пока мы продолжаемъ нашъ споръ, и Суворинъ горячится, и отлетаютъ во всѣ стороны полы его коричневой размахайки, — Чеховъ ровнымъ баскомъ своимъ разсказываетъ, что любитъ здѣсь, попозднѣе, спрашивать каждую итальянскую «дѣвочку», — quanto? Болѣе подробныхъ наблюденій, за неумѣніемъ говорить по итальянски, ему не удается сдѣлать, такъ, по крайней мѣрѣ, хоть узнаетъ, до чего можетъ дойти дешевизна. Онъ уже встрѣтилъ одну, которая отвѣтила ему: «cinque»...

Мы всѣ въ одномъ и томъ же купе выѣхали въ Пизу. Дорогой спорили о Буренинѣ. Впрочемъ — не спорили: на всѣ мои рѣзкости Суворинъ виновато пожималъ плечами и говорилъ:

— Да, чортъ его знаетъ... Нехорошій человѣкъ, нельзя сказать, чтобы хорошій...

Начиная съ Пизы, Суворинъ и Чеховъ стали насъ неудержимо обгонять. Изъ Пизы они уѣхали черезъ нѣсколько часовъ, на другой же день. Во Флоренціи мы ихъ застали на кончикѣ — Чехову Флоренція вовсе не понравилась. Ѣхали маршъ-маршемъ. Въ послѣдній разъ столкнулись въ Римѣ, въ бѣлой церкви Санъ-Паоло. Солнечный день. Голубыя и розовыя пятна — отъ цвѣтныхъ стеколъ — на бѣломъ мраморѣ. Опять живой и быстрый Суворинъ, медлительный Чеховъ... Ужъ не знаю, удалось ли ему тутъ, въ Римѣ, гдѣ-нибудь «на травкѣ полежать»...

4

Мы разсчитывали быть въ началѣ мая уже въ Россіи. Но вотъ середина мая, а мы — въ Парижѣ! Въ новомъ для меня Парижѣ, съ совсѣмъ еще новенькой Эйфелевой башней, — вѣдь ее не такъ давно, къ послѣдней выставкѣ, построили. Еще и парижане къ ней не привыкли.

Что же случилось?

Случилось, что пришло въ Римъ очаровательное, нѣжное письмо Плещеева: разъ ужъ мы заграницей — какъ не пріѣдемъ къ нему? «...Ну, хоть ненадолго, если бъ вы знали, какъ тутъ хорошо! Май — лучшій мѣсяцъ въ Парижѣ. Пріѣзжайте прямо въ мою гостиницу...»

Гостиница эта оказалась отелемъ Mirabeau (тогда еще не перестроеннымъ). Широкій балконъ плещеевскихъ аппартаментовъ выходитъ на улицу, и прямо передо мною — скромная, золотая вывѣска «Worth». Налѣво сѣрѣетъ вандомская колонна, внизу весело позваниваютъ бубенчики фіакровъ.

— Правда, хорошо? спрашиваютъ нарядныя дочери Плещеева, показывая мнѣ «свой» Парижъ. — А какъ васъ папа ждалъ!

Старикъ тоже съ нами. А потомъ мы пьемъ чай на кругломъ столѣ, въ салонѣ. Алексѣй Николаевичъ оживленъ. Очень обрадовался мнѣ — да и я ему. Въ немъ, впрочемъ, есть какая-то перемѣна. Не та,

что вотъ, вмѣсто низенькой залы на Спасской, онъ сидитъ въ креслѣ лучшаго парижскаго отеля на rue de la Paix. Но онъ похудѣлъ, осунулся, и въ креслѣ сидитъ тяжелѣе; онъ, несмотря на оживленіе, больше «старикъ», чѣмъ былъ въ Петербургѣ, когда взбирался къ намъ на пятый этажъ.

Но это еще едва замѣтно. Парижъ его «расшевеливаетъ», говоритъ онъ, какъ вѣчная молодость. Дома не сидится. Мы ходимъ съ нимъ по улицамъ, ѣдемъ въ Булонскій лѣсъ, а вечеромъ — въ кафе des Ambassadeurs, гдѣ молоденькая, тоненькая diseuse въ черныхъ перчаткахъ, Ivette Guilbert, производитъ фуроръ.

Бываетъ, что обѣдъ особенно вкусенъ (а Плещеевъ любитъ покушать); разъ, послѣ особенно плотной трапезы, онъ сказалъ: «ну, теперь ведите меня въ assommoir»! и тотчасъ же самъ добродушно расхохотался надъ собой:

— Тьфу ты, я хотѣлъ — въ ascenseur! А лакеи-то глядятъ на меня: обѣдалъ-обѣдалъ, и вдругъ еще ведите старика въ ассомуаръ!

Но и тутъ, отдохнетъ немножко, — и опять за цилиндръ (онъ сталъ франтомъ):

— Пойдемте, хоть такъ, по бульварамъ пройдемся, поглядимъ!..

Внезапное богатство, послѣ нужды, да еще на старости лѣтъ, хотя бы для человѣка и состоятельнаго когда-то, — вещь нелегкая. А то, что разбо-

гатѣлъ Плещеевъ, «передовой» (какъ тогда говорили) поэтъ, со всѣмъ своимъ «свѣтлымъ» прошлымъ (онъ былъ замѣшанъ въ дѣло Петрашевцевъ и даже приговоренъ къ смертной казни) — все это положенія не облегчало, а очень осложняло.

Однако, могу засвидѣтельствовать, что неожиданная перемѣна судьбы не исказила ни одной черты въ образѣ этого милаго человѣка. Напротивъ, его нѣжная, по русски немного безалаберная доброта, его невинное, трогательное эпикурейство только подчеркнулись. Онъ радовался каждой мелочи въ Парижѣ; радовался голубому небу, потомъ, въ Швейцаріи, и голубому морю въ Ниццѣ; радовался такъ, что на него весело было смотрѣть. Любилъ каждый трепетъ жизни, хватался за него, чувствуя, вѣрно, что жизни ужъ немного осталось.

Сказалъ какъ-то:

— Что мнѣ это богатство? Вѣдь вотъ только радость, что дѣтей я смогъ обезпечить, ну и самъ немножко вздохнулъ... передъ смертью.

Здоровье его дѣйствительно очень пошатнулось, и даже на зиму онъ въ Петербургъ не пріѣхалъ; а очень хотѣлъ. Съ тѣхъ поръ въ Россіи онъ бывалъ только лѣтомъ, въ Петергофѣ на дачѣ. Тамъ мы съ нимъ, послѣ Парижа и Ниццы, и видѣлись. Эти два года были для него рѣшительнымъ подаркомъ Судьбы. Воистину жизнь «блеснула ему улыбкою прощальной».

«Вечерній день» его отгорѣлъ въ Парижѣ, поздней осенью. Кажется, онъ умеръ безъ страданій, внезапно.

Сѣрый сумракъ Казанскаго Собора, панихида. Въ толпѣ замѣчаю, тамъ и сямъ, мерцающія сѣдины моихъ друзей — сверстниковъ Плещеева.

При выходѣ Петръ Исаевичъ Вейнбергъ наклоняетъ ко мнѣ бѣлую бороду и шепчетъ:

— А знаете, вѣдь хорошо, что онъ умеръ. Наслѣдники выиграли дѣло, и все, что осталось, у него бы отняли. Къ счастью, онъ успѣлъ обезпечить семью.

Если такъ, — тѣмъ удивительнѣе маленькое чудо, прощальная улыбка Судьбы, посланная этой милой, дѣтской душѣ.

5

Полонскій, какъ я понемногу убѣждаюсь, считаетъ себя обиженнымъ, непризнаннымъ... прозаикомъ.

Онъ, по пятницамъ, все чаще усаживаетъ меня около себя, безконечно разсказываетъ о себѣ, о своихъ литературныхъ успѣхахъ... и «неуспѣхахъ», потому что, какъ онъ жалуется, его «ославили» поэтомъ и совершенно знать не желаютъ его прозы. Между тѣмъ, проза — повѣсти, романы — ближе его сердцу, чѣмъ стихи, и написалъ онъ ихъ не мало, пожалуй не меньше, чѣмъ Тургеневъ.

— Что — стихи! И Тургеневъ писалъ стихи. Прескверные, положимъ... Кромѣ поэмы. Поэму его я любилъ...

Кончались эти разговоры (недолгіе, гости отвлекали) тѣмъ, что Яковъ Петровичъ тяжело подымался со своего обычнаго мѣста, стуча костылями ковылялъ къ шкафику у боковой стѣны, и вытаскивалъ неразрѣзанные экземпляры своихъ романовъ и повѣстей.

— Прочтите, прочтите, ворчалъ онъ, дѣлая на книгахъ нѣжныя надписи. — Вотъ, сами судите. А какъ прочтете — я вамъ и другіе томы дамъ. И напишите мнѣ, что думаете.

Провожалъ меня съ этими книгами нѣжно, благодарно — за то, что я буду ихъ читать.

Случалось, что самъ потомъ досылалъ мнѣ новые томы. У меня долго хранились его письма, длинныя, обстоятельныя, исторія каждаго романа — и опять негодующія жалобы, что проза его недостаточно оцѣнена.

Почему онъ вдругъ избралъ меня въ критики, и что ему былъ мой юный судъ? Думаю, потому, что всѣмъ уже успѣлъ эти книги передавать, всѣхъ переслушать, а я — свѣжій человѣкъ, да и молодой «литераторъ» — новое поколѣніе. Ну вотъ, еще разъ послушать, что скажутъ о его прозѣ, которую онъ, навѣрно, въ глубинѣ души, считаетъ не хуже Тургеневской, а, можетъ быть, и лучше.

У меня создалось впечатлѣніе, что именно по отношенію Тургенева у Полонскаго было обиженное чувство. Всѣ признаютъ Тургенева, а его, Полонскаго, проза — неизвѣстна...

Тутъ я опять сдѣлаю маленькое отступленіе. Черезъ много лѣтъ, уже во время войны, вотъ что разсказывала намъ о Тургеневѣ и Полонскомъ Марья Гавриловна Савина.

Она пріѣхала поздно, съ какого-то концерта, въ бѣлую весеннюю ночь. (Послѣдній разъ: той же осенью она умерла).

Савина разсказывала неповторимо. Можно спорить о ней, какъ объ актрисѣ, но разсказчица она была геніальная. Очаровательный юморъ въ ея рѣчахъ, то нѣжный, то злой — и всякій разъ не въ бровь, а прямо въ глазъ...

Съ Тургеневымъ у нихъ былъ когда-то «голубой» романъ. И до дня его смерти не прекращалась переписка. Савина разсказывала намъ объ его послѣднихъ годахъ, о Кларѣ Миличъ...

— А когда онъ написалъ «Пѣснь торжествующей любви» — я какъ разъ гостила у него въ Спасскомъ-Лутовинѣ. И Яковъ Петровичъ Полонскій тоже, они, вѣдь, были большими пріятелями. Иванъ Сергѣевичъ предложилъ намъ прослушать только что оконченную вещь. Это и была «Пѣснь торжествующей любви». Читалъ вечеромъ, на балконѣ, при свѣчахъ. Было самое начало лѣта, все цвѣло, и къ ночи, тихой

и теплой, садъ особенно благоухалъ. Тургеневъ волновался, я чувствовала, что эта вещь ему дорога, у него даже голосъ звенѣлъ. Когда кончилъ — Полонскій помолчалъ нѣкоторое время, а потомъ всталъ и басомъ своимъ недовольно зарокоталъ: онъ, де, ничего не понимаетъ, и что́ это тутъ напущено... «Эта вещь тебѣ — нѣтъ, не удалась...» Тургеневъ не возражалъ, не спорилъ, но я сердцемъ чувствовала, какъ его Полонскій своимъ отзывомъ на мѣстѣ убиваетъ. Притомъ я чувствовала, что Полонскій говоритъ вздоръ, по глупости или по зависти, ужъ не знаю... А сама я не могла ничего сказать, не могла, не умѣла... Но Тургеневъ вѣрно, понялъ, что́ у меня на душѣ. Мы потомъ, — Полонскаго уже не было, — сошли вдвоемъ въ темный садъ, и долго молча ходили, среди благоуханья травъ, и на скамейкѣ такъ же молча сидѣли, и точно я этимъ какъ-то по женски, по бабьи, безъ словъ его утѣшила, молчаньемъ сказала ему все, что хотѣла... А садъ, и тихая ночь мнѣ помогали.

Романы Полонскаго, конечно, были непохожи на «чепуху» въ родѣ «Пѣсни торжествующей любви». Въ то старое время, они, дареные такимъ настоятельно-ласковымъ Яковомъ Петровичемъ, мнѣ, пожалуй, нравились. Но ничего, ни тѣни отъ нихъ не осталось въ памяти. Даже странно, вѣдь прочитанное въ юности, какое бы ни было, всю жизнь помнится. А тутъ — до тла исчезло. Должно быть, не такъ ужъ неспра-

ведливы были тѣ, кто цѣнилъ прозу Полонскаго ниже тургеневской.

6

Изъ моихъ старыхъ друзей и знакомыхъ единственный, жившій менѣе особнякомъ, старавшійся поддержать какую-то «литературную среду» — былъ Петръ Исаевичъ Вейнбергъ. Правда, онъ и не былъ такимъ всепризнаннымъ русскимъ «поэтомъ», какъ Полонскій, Плещеевъ, Майковъ. Его почитали, уважали, знали; его «Море» обожала молодежь, но... все-таки онъ былъ, — главнымъ-то образомъ, — переводчикъ, «Гейне изъ Тамбова», душа всѣхъ литературныхъ вечеровъ, хранитель «честнаго» литературно-общественнаго направленія. Худой, съ пріятными живыми манерами, весело-остроумный — онъ былъ совершенно лысъ и въ профиль походилъ на библейскаго пророка. Чудесная, съ сѣрымъ отливомъ, борода его — не Плещеевскій вѣеръ: и борода у Вейнберга — какъ у Авраама.

Вѣроятно, въ немъ была еврейская кровь; не знаю, ибо этотъ вопросъ никого, даже самого Вейнберга, не интересовалъ. Заслуженный литераторъ, знатокъ русскаго языка, талантливый стихотворецъ, всѣми любимый Петръ Исаевичъ — чего же еще? Надо сказать, что въ тогдашней литературѣ «еврейскій вопросъ» вообще мало существовалъ (только съ

Надсона началъ выдвигать его Буренинъ). А въ «старой» литературѣ онъ рѣшительно не имѣлъ мѣста и значенія. Не имѣлъ значенія даже въ глазахъ такихъ «нелиберальныхъ» писателей, какъ Майковъ, дружившій съ Тертіемъ Филипповымъ, или Полонскій, близкій Побѣдоносцеву.

Какъ бы то ни было, мнѣ никогда, ни отъ одного стараго, настоящаго, писателя не случалось ничего объ этомъ слышать. Даже самъ Суворинъ, въ разговорѣ, стѣснялся касаться еврейскаго вопроса, чувствуя, вѣрно, что это, по кореннымъ литературнымъ традиціямъ, «не принято». Мало того: гораздо позже, чуть ли не въ 1906 г., на мое рѣзкое письмо къ нему по поводу его отношенія къ евреямъ, конфузливо написалъ: «... что я могу вамъ на это отвѣтить? Ничего я не могу отвѣтить...»

Настоящая, исконная *«литературная среда»*, хотя существовали тогда уже разные кружки, Шекспировскій и «понедѣльничное» Лит. Общество, — была все же только у Вейнберга. Онъ жилъ одинъ, очень скромно. Въ его «подвалѣ» на Фонтанкѣ, — маленькой квартиркѣ у Аничкова моста, — кого не встрѣтишь! И не въ отдѣльныхъ писателяхъ было дѣло, а именно въ атмосферѣ литературной, въ *средѣ*.

Но Вейнбергъ, такъ нѣжно, такъ вѣрно любившій литературу старую, такъ знавшій и цѣнившій ея традиціи, даже *бытъ*, интересовался и новымъ, и, пожалуй, болѣе другихъ. Онъ пытался схватить и по-

нять, какъ умѣлъ, движеніе литературы *во времени*. Можетъ быть, чувствовалъ, что ему суждено пережить почти всѣхъ своихъ сверстниковъ (онъ и Чехова пережилъ!), что, какъ-никакъ, придется не одну еще перемѣну увидать. Да и былъ у него гибкій и живой духъ.

Очень скоро, едва занялась заря декадентства (почти и не занялась еще), онъ дерзнулъ пригласить на традиціонный вечеръ литературнаго фонда (ежегодный вечеръ въ залѣ Коммерческаго Училища) — меня. Надо знать тогдашнюю атмосферу, тогдашнюю публику, «старую» молодежь, чтобы понять, что со стороны Вейнберга это была дѣйствительно дерзость. Изъ году въ годъ онъ устраивалъ эти вечера. Изъ году въ годъ тамъ читали Плещеевъ, Майковъ, Григоровичъ, Потѣхинъ, самъ Вейнбергъ, прежде, когда былъ здоровъ — Полонскій, а когда были живы — Тургеневъ, даже Достоевскій...

И опять старики, тотъ же Григоровичъ, Вейнбергъ и — я! Вейнбергъ, положимъ, очень хорошо относился ко мнѣ лично, однако, была у него тутъ немножко и шалость: вотъ вамъ, не одни мы, послушайте-ка и новенькаго! Мы порою чувствовали себя съ нимъ, какъ проказливыя дѣти. Подымется шумъ — Вейнбергу и горя мало: пусть пошумятъ, тѣмъ веселѣе. Самъ, бывало, выйдетъ со мной на эстраду нѣсколько разъ. А въ концѣ, для полнаго успокоенія, прочтетъ свое «Море», — дѣлая, впрочемъ,

видъ, что оно ему смертельно надоѣло, — онъ только уступаетъ требованію публики.

Примѣшивая къ старикамъ болѣе молодыхъ, Вейнбергъ пріучалъ къ нимъ, мало-по-малу, публику. Но очень «мало-по-малу»; добрая старая традиція все-таки преобладала на вечерѣ Фонда.

Майковъ при мнѣ читалъ только разъ. Онъ читалъ очень хорошо. Былъ сухой, тонкій, подобранный, красивый, съ холодно-умными, пронзительными глазами. Въ чтеніи его была та же холодная пронзительность и усмѣшка. Особенно, помнится она мнѣ вотъ въ этихъ двухъ строкахъ (изъ стихотворенія «Дожъ и Догаресса»):

...Слышитъ — иль не слышитъ?
Спитъ — или не спитъ?

Удивительно читалъ онъ и «Три смерти»:

Простите, гордыя мечтанья,
Осуществить я васъ не могъ.
О, умираю я какъ Богъ
Средь начатого мірозданья!

Конечно, Майковъ былъ самый талантливый изъ всей плеяды поэтовъ того времени. Какой-то одной, нѣжной, черточки не хватало его дарованію; оттого, вѣроятно, онъ и забытъ такъ скоро, и никогда не былъ любимъ, какъ Фетъ, напримѣръ, который, по-моему, куда ниже Майкова.

Близки мы съ Майковымъ никогда не были (да и кто былъ съ нимъ близокъ? не припомню). Встрѣчались часто, иногда онъ бывалъ у насъ. Одно время увлекся романомъ Мережковскаго «Юліанъ» и даже устраивалъ у себя чтенія этого романа.

Совсѣмъ не производилъ впечатлѣнія «старика», такъ былъ бодръ и живъ. Смерть его показалась неожиданной; но въ литературныхъ кругахъ прошла почему-то не очень замѣтно. Впрочемъ — не знаю, насъ тогда въ Петербургѣ не было.

На вечерахъ Фонда и на другихъ, имъ подобныхъ, меня всего болѣе занимала «артистическая». Тамъ пришлось мнѣ видать буквально *всѣхъ* извѣстныхъ и полуизвѣстныхъ людей своего времени. Вотъ Фигнеръ,— еще совсѣмъ молодой человѣкъ съ каштановой бородкой, ходитъ, въ ожиданіи своего номера, изъ угла въ уголъ, — волнуется. Жена его, красивая итальянка, Медея Фигнеръ, тоже ходитъ, по другой діагонали; тоже волнуется. Я съ удивленіемъ гляжу: оперные пѣвцы, чего они волнуются? Они увѣряютъ меня, что это всегда, передъ выходомъ. Профессіональное, должно быть. Савина, впрочемъ, сидитъ спокойно за столомъ и пьетъ чай. Короленко, уже сѣдѣющій, коренастый и черноглазый, говоритъ, кажется, съ Гаринымъ: высоченный беллетристъ, написалъ «Дѣтство Темы», которое всѣ хвалятъ; мнѣ — не нравится.

Но перейдемъ изъ этой свѣтлой комнаты въ дру-

гую, какъ бы совсѣмъ «за кулисы». Тамъ сейчасъ интереснѣе. Тамъ тѣсный кружокъ участвующихъ и неучаствующихъ писателей. Душа кружка — Григоровичъ. Онъ разсказываетъ «анекдоты» (онъ вѣчно что-нибудь разсказываетъ) — вполголоса, чтобы не слышно было въ залѣ. Времени много, потому что читаетъ Ольга Шапиръ — «О любви», Вейнбергъ только что заглядывалъ въ залу и объявилъ:

— Все пока прекрасно. Спитъ только одинъ. Она еще не дошла до середины.

Григоровичъ всегда разсказываетъ потрясающія вещи. Говорятъ, что онъ половину выдумываетъ, но не все ли равно, если интересно.

Мнѣ долго не вѣрилось, что это тотъ самый Григоровичъ, авторъ съ дѣтства знакомыхъ «Проселочныхъ дорогъ», «Антона Горемыки». На портретахъ онъ — полный господинъ съ бакенбардами. А этотъ — высокій, тонкій, подвижной, бѣлая бородка у него коротко подстрижена (подъ Тургенева).

Мы съ Григоровичемъ большіе пріятели. Постоянно встрѣчаемся, весело болтаемъ. Онъ любезно меня расхваливаетъ:

— Пишите! пишите!

И даже креститъ маленькими крестиками, благословляя мой дальнѣйшій литературный путь. А маленькіе крестики — потому что нельзя же размахнуться большими гдѣ-нибудь на-людяхъ, даже въ «артистической».

Въ артистической, т. е., во второй, «за кулисами», онъ и разсказывалъ намъ про Достоевскаго. Подробно и картинно описывалъ, какъ отца Достоевскаго, изъ врача сдѣлавшагося помѣщикомъ, возненавидѣли мужики и въ рощѣ разорвали, на глазахъ сына, Ѳедора Михайловича, тогда еще мальчика. Я помню, что онъ говорилъ «на глазахъ» и спрашивалъ: «ну могъ ли Ѳедоръ Михайловичъ забыть это? Могъ ли? Это очень многое объясняетъ...»

Никто изъ насъ такого разсказа ранѣе не слышалъ, и всѣхъ онъ потрясъ. А я и до сихъ поръ не знаю, правда ли это, или нѣтъ.

7

Неизсякаема была веселость и остроуміе П. И. Вейнберга, какъ неизсякаемы его экспромты. Не существовало слова, на которое онъ тотчасъ не открылъ бы риѳмы. Переписывались мы съ нимъ всегда стихами. У насъ бывалъ онъ часто. Взбирается на нашъ пятый этажъ — что ему трудненько — и пока взбирается, уже сочинилъ длинную оду, которую съ порога декламируетъ, заканчивая:

А затѣмъ, si vous aimez,
Вотъ конфеты отъ Гурмэ.

Въ концѣ вечера всѣ мы, небольшимъ кружкомъ человѣкъ въ 6—7, начинаемъ соображать, куда бы

поѣхать ужинать? Къ Палкину? Къ Донону? Я и Мережковскій предлагаемъ — въ Медвѣдь. Спорятъ. Но тамбовскій Гейне, пѣсенки котораго, вродѣ пѣсенки о титулярномъ совѣтникѣ и генеральской дочери, были нѣкогда у всѣхъ на устахъ, подхватываетъ:

Хозяева сказали вѣдь,
Ну и поѣдемъ въ Медвѣдь!

И ѣхали, и тамъ опять веселилъ Петръ Исаевичъ своими экспромтами, разсказами о «преданьяхъ старины глубокой». Былъ настоящій кладезь этихъ литературныхъ преданій. Зналъ даже, что такое «безобразный поступокъ Вѣка», журнала, о которомъ всѣ забыли со всѣми его поступками. Для будущаго собирателя древнихъ литературныхъ мелочей скажу вкратцѣ, что это былъ за «поступокъ»: либеральный журналъ какой-то, или общество — устроило литературный вечеръ и выпустило на эстраду очень красивую даму (чуть ли не тоже литературную) въ Египетскихъ Ночахъ Пушкина. Дама столь выразительно прочла:

Кто къ торгу страстному приступитъ?
Свою любовь я продаю! —

что вызвала бурю — нѣсколько двусмысленныхъ — восторговъ. По поводу этихъ восторговъ «Вѣкъ» обрушился на устроителей вечера, да отчасти и на

даму. Поднялась жаркая полемика, припутали къ ней «женскій вопросъ», — и Вѣкъ (въ немъ тогда участвовалъ братъ Достоевскаго) вмѣстѣ со своимъ «безобразнымъ поступкомъ» — посягновеніемъ на «женскую свободу» — былъ посрамленъ.

Разъ какъ-то Вейнбергъ принесъ мнѣ, вмѣсто конфетъ отъ Гурмэ, красную сафьянную тетрадь для стиховъ. На первомъ листкѣ шутливое посвященіе:

Хоть у васъ седьмой этажъ,
Но любовь моя все та жъ,
Какъ была бы, если бъ вы
Жили ниже дна Невы.
Справьтесь въ сердцѣ вы любомъ,
Чувства нѣтъ нигдѣ такого,
Какъ въ дарящемъ сей альбомъ
Старомъ

Гейне изъ Тамбова.

И затѣмъ, впослѣдствіи, внизу, приписано:

Три года прошло, леденѣетъ ужъ кровь,
Но къ ***вамъ*** — точно такъ же пылаетъ любовь.

(Эта тетрадь, гдѣ записывались потомъ и мои стихи цѣлыхъ 15 лѣтъ, пропала въ Совдепіи вмѣстѣ со всѣмъ моимъ архивомъ, далеко не лишеннымъ историческаго интереса).

Вейнберговская нѣжность къ литературѣ вовсе не была только книжной. Вѣчно засѣдалъ онъ въ

какихъ-то комитетахъ, въ Фондѣ работалъ безсмѣнно, принималъ всю мелкую литературную братію, бѣдствующимъ устраивалъ ссуды. Всѣхъ приходящихъ къ нему, даже просто графомановъ, терпѣливо слушалъ. Кого слѣдуетъ — вышучивалъ, но съ такимъ веселымъ, добрымъ юморомъ, что на него не обижались и графоманы.

Время, однако, шло. Старики, сверстники Вейнберга, — уходили, умирали. Въ литературѣ народились новыя теченія. Вейнбергъ не могъ примкнуть къ нимъ, конечно, да и попытокъ къ тому не дѣлалъ, слишкомъ былъ искрененъ. Но онъ попрежнему относился ко всему новому съ интересомъ и благостью: не была ли это все та же «русская литература», вѣрнымъ рыцаремъ которой онъ оставался?

Старческія немощи уже одолѣвали его (какъ онъ добродушно надъ ними шутилъ!). Ѣздилъ лечиться заграницу, — мы разъ случайно встрѣтились съ нимъ въ Германіи. Тогда умеръ Чеховъ — помню, какъ огорчился, даже возмутился этой смертью П. И.: высоко его цѣнилъ. Впрочемъ, раньше какъ-то сознавался, что въ Чеховѣ ему чуждъ подходъ къ жизни «ужъ очень мелочной, хмурой, безъ положительнаго... А вѣдь талантъ то какой, тургеневскій!» Я еще поддразниваю: «положительнаго! Вы привыкли къ писателямъ съ «идеалами!» Теперь другія пѣсни!»

Горькаго Вейнбергъ опредѣленно не терпѣлъ, хотя и за нимъ признавалъ талантъ. Въ Андреевѣ

просто ничего не понималъ, и даже не хотѣлъ понимать, отмахивался отъ него. Мы часто болтали о современныхъ писателяхъ. Разъ онъ сказалъ мнѣ о Бунинѣ, котораго почему-то въ Петербургѣ мы мало знали: «этотъ — хорошій писатель, крѣпкій. А только»...

— Только что? И онъ безъ «идеаловъ»?

— Нѣтъ; а что онъ *любитъ?* Надо, вѣдь, писателю что-нибудь безъ оглядки любить...

Вообще, Вейнбергъ не просто принималъ всякій новый вѣтеръ, откуда бы онъ ни дулъ. Посильно разбирался, очень присматривался. Наиболѣе типичный изъ «стариковъ», одинъ прожившій нѣсколько лѣтъ среди «новыхъ» теченій — не литературы только, но и жизни — онъ былъ очень показателенъ. Гдѣ неизбѣжный разрывъ между поколѣніями, гдѣ необходимая связь? Есть ли связь? Куда повернули дѣти, куда пойдутъ внуки?

При началѣ нео-религіозныхъ вѣяній Вейнбергъ нерѣдко приходилъ къ намъ (уже въ третій этажъ, но и это было ему трудно). Приходилъ — и долго, серьезно разспрашивалъ, откуда этотъ уклонъ къ религіи, что онъ означаетъ, что думаемъ мы.

Онъ называлъ себя матеріалистомъ. О,конечно. Всѣ они, люди 40—70 годовъ, такъ себя называли. Но было бы грубой ошибкой — я подчеркиваю это, я настаиваю на этомъ — смѣшивать «матеріализмъ» Плещеева, Вейнберга, Полонскаго, Майкова, Гри-

горовича и тысячи ихъ современниковъ, просто русскихъ интеллигентовъ, — съ матеріализмомъ позднѣйшихъ поколѣній. Этотъ, такъ называемый «научный», всегда тупъ и нетерпимъ, роковымъ образомъ самодоволенъ. Онъ представляетъ изъ себя извѣстный культурный срывъ и неизмѣнно кончается потерей понятія личности.

Ничего похожаго на такой «матеріализмъ» не было у нашихъ знаменитыхъ (и не знаменитыхъ) «стариковъ». Они просто не имѣли еще соотвѣтственныхъ словъ для измѣнившихся, по времени, чувствъ своихъ; называли себя «матеріалистами» въ отличіе отъ прежнихъ бездумно «вѣрующихъ»... церковниковъ; но они, ей Богу, и не понимали вовсе, что такое «матеріализмъ». Они сохраняли въ цѣлости всѣ человѣческія чувства, ни одно не было выщерблено — какіе же они матеріалисты?

Впрочемъ, вопросъ этотъ столь же интересенъ, сколь сложенъ, и я пока скажу одно: если ужъ называть русскихъ людей того поколѣнія матеріалистами, — то развѣ идеалистическими, романтическими матеріалистами. Я не исключаю ни Бѣлинскаго, ни Писарева, ни Чернышевскаго, ни даже Базарова, — стоитъ перечесть «Отцовъ и дѣтей»! — Лишь тонкая пленка безсознанія отдѣляла ихъ отъ подлинной религіозности. Поэтому и были они, въ большинствѣ случаевъ, «носителями высокой морали» (это старомодное выраженіе вовсе не смѣшно). Поэтому и

могли въ то время появляться люди крѣпости душевной изумительной (Чернышевскій), способные на подвигъ и жертву*). Настоящій матеріализмъ гаситъ духъ «рыцарства». А скажутъ ли, что не было этого духа въ тогдашней литературѣ нашей, да и во всей русской интеллигенціи?

Но я говорю сейчасъ не объ интеллигенціи, не о путяхъ ея, такъ страшно потомъ раздѣлившихся, а лишь объ одномъ изъ ея представителей, о скромномъ рыцарѣ старой русской литературы — о Вейнбергѣ.

Онъ слушалъ печально и жадно то, что мы ему говорили. Да, но что жъ, если онъ — «не вѣритъ»? И правда: за сколько долгихъ лѣтъ *привыкъ* онъ думать, что не вѣритъ! Развѣ словами, въ полчаса, можно побѣдить эту привычку?

Но вставая, уже уходя, онъ вдругъ сказалъ:

— А, должно быть, «тамъ» все-таки что то есть. Я *ее* видѣлъ.

Мы поняли, что «она» — женщина, которую онъ всю жизнь любилъ, умершая нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Какъ видѣли? Когда?

— Видѣлъ, вотъ какъ васъ сейчасъ вижу. И не разъ, а раза два-три за эти годы. Я лежу въ постели,

---

*) Было-бы интересно сравнить эти два тома «Писемъ къ женѣ»: Чернышевскаго изъ ссылки, изъ далекаго, въ снѣгахъ затеряннаго, городка въ Сибири, — и Чехова изъ Ялты, которую онъ тоже называлъ мѣстомъ своей «ссылки».

утромъ или вечеромъ, — и вдругъ она войдетъ и сядетъ рядомъ. И говоритъ со мной, только не знаю, слышу ли я ея слова — или *вижу*, что она думаетъ. Странно, я даже въ первый разъ не испугался и не назвалъ ее мысленно «привидѣніемъ»... Тогда и пришло въ голову, что, пожалуй, «тамъ» что то есть...

Подумалъ, улыбнулся и прибавилъ, съ прелестной своей, привычной, ироніей:

— А, можетъ, это ужъ отъ старости... Признаки слабоумія старческаго... Кто знаетъ? Я знаю только, что видѣлъ ее, и въ смерть ея съ тѣхъ поръ не вѣрится...

Мы скоро послѣ японской войны уѣхали заграницу и въ послѣдніе годы съ Петромъ Исаевичемъ Вейнбергомъ не видались. Онъ скончался въ Петербургѣ, кажется — лѣтомъ 1908 года.

8

Разсказъ мой о «благоуханныхъ сѣдинахъ» людей, встрѣченныхъ на зарѣ юности, — оконченъ. Тутъ слѣдовало бы поставить точку. Если я разскажу объ единственной моей встрѣчѣ еще съ однимъ старцемъ,— яснополянскимъ, — то уже въ видѣ приложенія. Отъ моей темы я не отступаю: благоуханіе *этихъ* сѣдинъ знаетъ весь міръ. Но встрѣча наша произошла поздно, въ 1904 году, была почти мимолетной и разсказъ о ней будетъ кратокъ.

Поѣхать къ Толстому? Увеличить толпу и безъ того утомляющихъ его посѣтителей? Но у Мережковскаго были особыя причины желать этого посѣщенія, — отчасти, паломничества: только что выпустилъ онъ свою трехтомную книгу о Толстомъ («*Л. Т. и Достоевскій*»), гдѣ былъ къ Толстому не совсѣмъ, кажется, справедливъ, и только что произошло знаменитое «отлученіе» Толстого отъ церкви, актъ, всѣхъ насъ тогда больно возмутившій. Словомъ, чувствовалось не то что любопытное желаніе «взглянуть» на Толстого, а просто какое-то къ нему влеченіе.

Мы стороной рѣшились узнать, когда можемъ и можемъ ли пріѣхать, не обезпокоивъ — и лишь получивъ, черезъ Сухотиныхъ, записочку, прямое приглашеніе (и даже маршрутъ!), поѣхали въ Ясную Поляну.

На станціи насъ ждутъ лошади. Начало мая. Свѣтло, только что пробрызнулъ холодный дождь. Надъ полями пронзительно поютъ, точно смѣются, жаворонки. Въ аллеѣ, когда мы подъѣзжали къ дому, деревья роняли на насъ крупныя радужныя капли.

Внизу, въ маленькой, не очень свѣтлой, передней къ намъ навстрѣчу выбѣжала (дѣйствительно выбѣжала) полная, но еще стройная женщина: это Софья Андреевна.

— Ахъ, вотъ они!

Вмигъ овладѣла нами, распорядилась, повела насъ въ приготовленныя двѣ комнаты, — это были комнаты совсѣмъ внизу; кажется, въ одной изъ нихъ помѣщалась когда-то рабочая комната Льва Николаевича, — она есть на рисункѣ Рѣпина.

Пока Софья Андреевна вела насъ туда — успѣла разсказать, что осталась на сегодняшній вечеръ только для насъ, что завтра въ 6 часовъ утра должна ѣхать въ Москву — «все по дѣламъ изданій!» — но чтобы мы не безпокоились, она уже отдала всѣ распоряженія насчетъ лошадей (мы уѣзжали на другой день съ двѣнадцатичасовымъ).

— Вотъ, поправьтесь съ дороги и приходите наверхъ, сейчасъ будемъ обѣдать!

Убѣжала. Ея живость меня сразу привела въ удивленье и даже слегка обезпокоила.

Мы въ длинной столовой-залѣ, съ окнами на обоихъ концахъ. Столъ тоже длинный. Народу много, но не очень; все, кажется, родственники.

Софья Андреевна знакомитъ, хлопочетъ:

— Садитесь, садитесь! Левъ Николаевичъ сейчасъ выйдетъ!

Мы уже начали усаживаться, когда изъ дальней двери налѣво, шмыгая мягкими ичигами, вышелъ небольшой, худенькій старичокъ въ подпоясанной блузѣ. Длинная блуза топорщилась на осутуленной спинѣ.

Онъ шаркалъ довольно быстро, тотчасъ сталъ

здороваться. Но меня поразило почему то, что онъ — маленькій. Это — Левъ Толстой? Если всѣ безчисленные портреты, которыхъ мы навидались такъ, что они точно вросли въ насъ, если они — Толстой, то этотъ худенькій старичокъ не Толстой. Словомъ — не могу ихъ соединить, новаго живого — съ неживымъ и привычнымъ.

Софья Андреевна сидитъ на концѣ стола, я — сбоку, налѣво отъ нея, Толстой направо, прямо противъ меня. Столъ узкій, я вижу хорошо и сѣрую блузу, и рѣдкую сѣдую бороду, слегка впадающую въ желтизну, и темныя, густыя брови: онѣ какъ-то не грозно, а печально нависаютъ надъ глубоко сидящими глазами. Глаза дѣтскіе — или старческіе, — съ блѣдной голубизной.

Толстой говоритъ съ Мережковскимъ; что-то о дорогѣ, кажется, я не слышу, за столомъ очень шумно. Софья Андреевна ѣстъ быстро, съ манерой всѣхъ близорукихъ, — немножко «подъ себя». Не забываетъ потчевать пирожками. Блюда подаетъ лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ. Середина стола, вся, — въ бутылкахъ съ винами. А скоро передъ Софьей Андреевной (т. е. и передъ Толстымъ) воздвиглось блюдо съ жаренымъ поросенкомъ — даже помню его оскаленные зубы.

Толстой, впрочемъ, не смотритъ, онъ ѣстъ свое, отдѣльное, въ маленькихъ горшечкахъ, ѣстъ по старчески внимательно, долго жуетъ губами.

Послѣ обѣда Софья Андреевна тщательно и весело показывала намъ яснополянскій домъ, всѣ картины, всѣ портреты: «вотъ это — Берсы!» говорила, не безъ гордости, указывая на рядъ потемнѣвшихъ полотенъ. Въ ея комнатѣ — мольбертъ, она занимается живописью.

— А вотъ спальня Льва Николаевича.

Небольшая комната, бѣлая пружинная кровать, столикъ, почти ничего больше...

Мы выходимъ на деревянный широкій балконъ; паркъ, внизу, полонъ душистой весенней сыростью.

— Вы изъ Москвы заграницу ѣдете? говоритъ Софья Андреевна и тотчасъ, обратившись ко мнѣ, шутитъ:

— Вотъ, оставайтесь здѣсь со Львомъ Николаевичемъ, а я, вмѣсто васъ, поѣду заграницу! Вѣдь я никогда заграницей не была!

Блѣдными сумерками Софья Андреевна ведетъ насъ въ паркъ. Она, какъ дѣвочка, прыгаетъ черезъ канавки, торопится все показать, все разсказать... Мы обходимъ кругомъ, она объясняетъ, какая роща какому принадлежитъ сыну, какая будетъ нынче сведена... И уже опять о завтрашней своей поѣздкѣ въ Москву, объ изданіяхъ, — дѣла, дѣла...

Возвращаемся въ длинную залу. Въ дальнемъ углу, гдѣ стоитъ диванъ и кресла вокругъ круглаго стола — Софья Андреевна теперь за broderie anglaise, на диванѣ, и низко клонится къ лампѣ съ широкимъ

бѣлымъ абажуромъ. Толстой сидитъ немного въ сторонѣ, на своемъ, должно быть, креслѣ, въ привычно-усталой позѣ. Случайныхъ посѣтителей нѣтъ, только двое или трое какихъ-то, видно, постоянныхъ жителей, да молчаливый мужчина въ коричневомъ охотничьемъ костюмѣ.

Привычно-усталымъ голосомъ Толстой говоритъ привычныя вещи. О жизни... О молитвѣ... Но Софья Андреевна и тутъ, схватывая моментъ, успѣваетъ сказать напротивъ. Молитва? Нѣтъ, а она вѣритъ, что можно въ молитвѣ просить о чемъ-нибудь и непремѣнно исполнится. Толстой заговорилъ неодобрительно о современныхъ стихотворцахъ, упомянулъ Сологуба... Софья Андреевна срывается съ мѣста, хватаетъ съ рояля номеръ иллюстрированнаго журнала и прочитываетъ вслухъ стихотвореніе Сологуба.

— А мнѣ — нравится! говоритъ она не безъ вызова, возвращаясь къ broderie anglaise.

Скоро мы перешли на другой конецъ залы, къ чайному столу. Чай пить явились не всѣ сразу. И очень быстро, одинъ за другимъ, исчезали. А Толстой тутъ-то и сталъ оживляться. Самъ затѣялъ разговоръ. Слушали его лишь какіе-то два, крайне молчаливыхъ, человѣка. Даже Софья Андреевна ушла (завтра къ раннему поѣзду вставать!) простившись съ нами весело и прелюбезно.

Разговоръ, въ подробностяхъ, забылся, скажу

лишь о томъ, что помню навѣрное. Да и говорилъ Толстой, вѣроятно, то, что всегда и многимъ говорилъ, что много разъ записано, но тонъ былъ очень оживленный и чувствовалось, когда онъ обращался къ Мережковскому, что книгу его о себѣ онъ читалъ. (Такъ оно и было: Толстой все читалъ, зналъ всю современную литературу. Даже нашъ религіозный журналъ «Новый Путь» читалъ!).

— Все хочу настоящій дневникъ начать, и не могу. Вѣдь если бъ записать правдиво хоть одинъ день моей жизни, вѣдь это было бы такъ ужасно...

— Какъ, перебиваю я, *теперешней* вашей жизни?

Толстой киваетъ головой: да, да, теперешней...

Мнѣ странно. Что это? Такая бездна смиренія? Чѣмъ онъ считаетъ себя такъ грѣшнымъ — теперь?

Мы говоримъ, конечно, о религіи, и вдругъ Толстой попадаетъ на свою зарубку, начинаетъ восхвалять «здравый смыслъ».

— Здравый смыслъ — это фонарь, который человѣкъ несетъ передъ собою. Здравый смыслъ помогаетъ человѣку итти вѣрнымъ путемъ. Фонаремъ путь освѣщенъ и человѣкъ знаетъ, куда ставить ноги*)....

Самый тонъ такого преувеличеннаго восхваленія «здраваго смысла» раздражаетъ меня, я бросаюсь въ споръ, почти кричу, что нельзя въ этой плоскости

*) За точную дословность не ручаюсь.

придавать первенствующее значеніе «здравому смыслу», понятію, къ тому же, весьма условному... и вдругъ спохватываюсь. Да на кого это я кричу? Вѣдь это же Толстой! Нѣтъ, я рѣшительно не могу соединить худенькаго, упрямаго старичка съ моимъ представленіемъ о Львѣ Толстомъ. Не то, что этотъ хуже или лучше: а просто Львовъ Толстыхъ для меня все еще два, а не одинъ.

Въ сущности же маленькій старичокъ говоритъ именно то, что говоритъ и пишетъ Л. Толстой всѣ послѣдніе годы. Я понимаю, что Толстой — «матеріалистъ». Но я понимаю (утверждаю это и теперь), что Толстой — совершенно такой же «матеріалистъ», какъ и другіе русскіе люди его поколѣнія, религіозно-идеалистическіе матеріалисты. Только онъ, какъ геніальная, исключительной силы личность, довелъ этотъ идеалистическій матеріализмъ до крайней точки, гдѣ онъ уже *имѣетъ видъ* настоящей религіи и отдѣленъ отъ нея лишь одной неуслѣдимой чертой.

Переступилъ ли ее Толстой? Переступалъ ли въ какія-нибудь мгновенія жизни? Вѣроятно, да. Думаю, что да. Мы говорили о воскресеніи, о личности. И вдругъ Толстой произнесъ, ужасно просто, — потрясающе просто:

— Когда умирать буду, скажу Ему: въ руки Твои предаю духъ мой. Хочетъ Онъ — пусть воскреситъ меня, хочетъ — не воскреситъ, въ волю Его отдамся, пусть Онъ сдѣлаетъ со мной, что хочетъ...

Послѣ этихъ словъ мы всѣ замолчали, и больше ужъ не спорили ни о чемъ.

Утромъ, часовъ въ восемь, мы столкнулись, выходя изъ своихъ комнатъ, со Львомъ Николаевичемъ въ маленькой передней. Онъ возвращался съ прогулки, бодрый, оживленный, въ бѣлой поярковой шляпѣ.

— А я къ вамъ стучалъ, чтобы вмѣстѣ пройтись, да вы еще спали! Пойдемте чай пить.

На невысокой внутренней лѣсенкѣ, ведущей въ залу, онъ остановился на минуту вдвоемъ съ Мережковскимъ и сказалъ, глядя ему въ лицо старчески-свѣжимъ взоромъ:

— А я радъ, что вы ко мнѣ пріѣхали. Значитъ, вы ужъ ничего противъ меня не имѣете...

Въ столовой было пустовато. Кто-то — не помню кто — разливалъ чай, но пили мы его втроемъ. Чай вкусный, со сливками, со свѣжими булками.

Хозяйки не было, но въ «графскомъ» домѣ шло все по заведеннымъ порядкамъ. Слуги приходили и уходили безшумно. Метръ д'отель принесъ даже «его сіятельству» меню на утвержденіе: видно, такой былъ издавна обычай. Толстой бѣгло взглянулъ (и что бы онъ сталъ тамъ читать дао бсуждать?), сдѣлалъ утвердительный и слегка отстраняющій жестъ рукой, метръ д'отель ушелъ, удовлетворенный.

Все это утро мы проговорили втроемъ. Толстой былъ веселъ, куда веселѣе вчерашняго. Коренныхъ

и спорныхъ темъ не касались, говорили хорошо обо всемъ. Тутъ то и выяснилось, между прочимъ, что Толстой все читаетъ и рѣшительно за всѣмъ слѣдитъ.

Подали лошадей. Толстой вышелъ насъ провожать на крыльцо. Трава блестѣла, мокрая отъ ночного дождя. На солнцѣ блестѣла и бѣлая, съ желтизной, борода Льва Николаевича, а самъ онъ ласково щурился, пока мы усаживались въ коляску.

И мы уѣхали — опять черезъ поля, гдѣ еще пронзительнѣе вчерашняго пѣли-смѣялись жаворонки...

Это — въ видѣ «приложенія». А вотъ, для эпилога, послѣднее... не воспоминаніе, а упоминаніе еще объ одномъ человѣкѣ, овѣянномъ благоуханьемъ сѣдинъ. Разсказывать о немъ не нужно, онъ живъ, всѣ знаютъ о немъ столько же, сколько я; о своей жизни, замѣчательной и волнующей, онъ разскажетъ самъ, если захочетъ... Это — Николай Васильевичъ Чайковскій.

О, конечно, онъ моложе тѣхъ, друзей моей юности. А все-таки онъ не сынъ ихъ, онъ — младшій братъ. Онъ того же поколѣнія и шелъ тѣмъ же путемъ, какимъ шли они. Только онъ успѣлъ, какъ младшій, сдѣлать на этомъ пути еще одинъ, послѣдовательный, шагъ. Н. В. Чайковскій — уже не романтикъ-идеалистъ, называющій себя «матеріалистомъ». Но и не имѣетъ идеализмъ его *облика* религіи, толь-

ко облика. Оставаясь по существу такимъ же, каким были лучшіе люди его поколѣнія, — Н. В. Чайковскій *исповѣдуетъ христіанскую религію*.

Если знали многіе изъ сыновъ тѣхъ лѣтъ Россіи настоящую юность, если благоухали въ старости ихъ сѣдины, — не оттого ли, что зерно религіозной правды таилось въ душѣ каждаго? И напрасно обманывать себя: не будетъ та поросль истинно молодой и живой, которая не пойдетъ отъ крѣпкихъ, старыхъ корней.

Не надо возвращаться къ старикамъ. Не надо повторять ихъ путь. Но «отъ нихъ взять» — надо; взять и итти дальше, впередъ... и тогда ужъ, пожалуй, дѣйствительно «безъ страха и сомнѣнья».

1294 г.